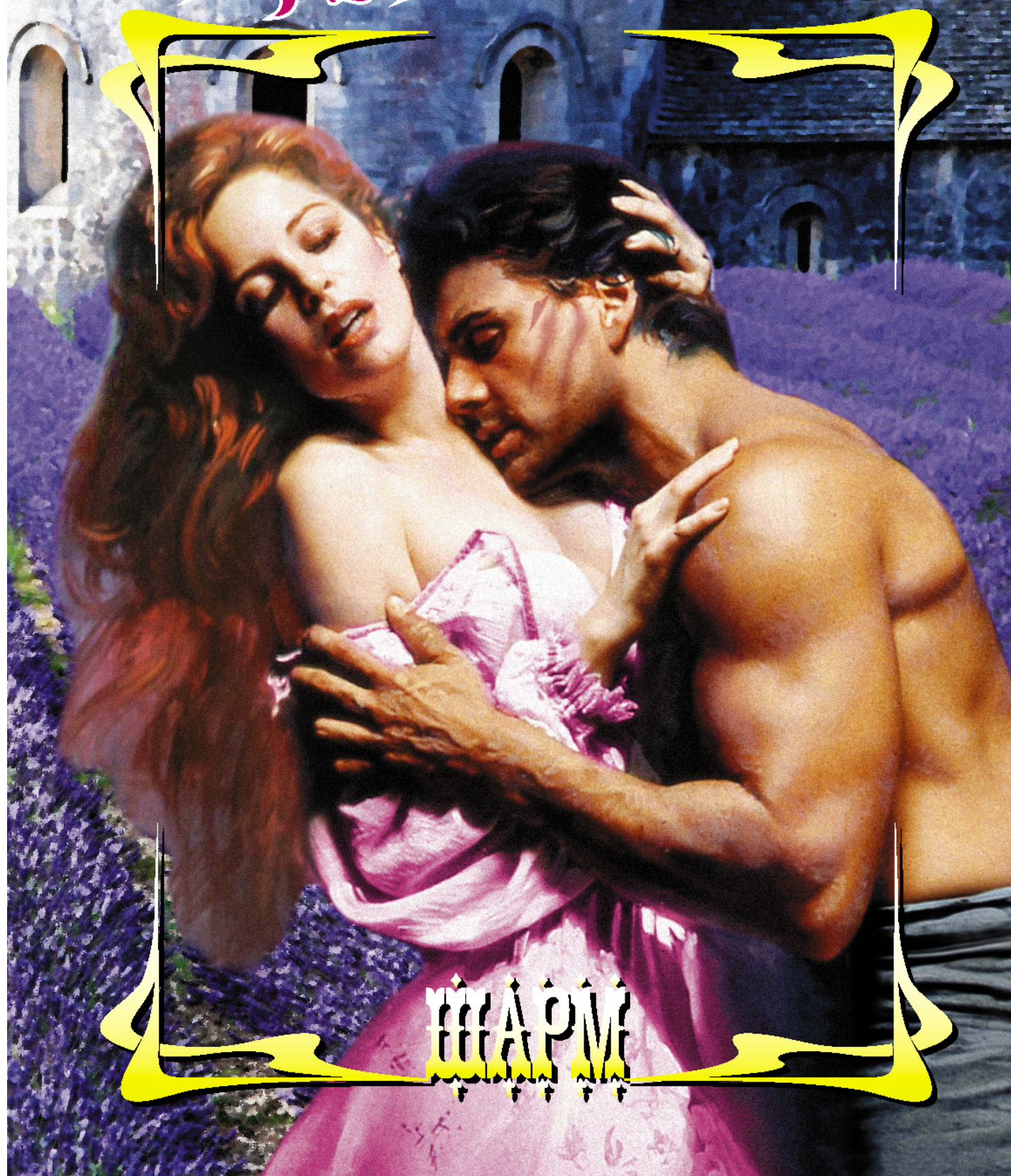

КЕРРИГАН БЕРН

Как влюбиться
в герцога за 10 дней

ТЕАТРАЛ

Шарм (АСТ)

Керриган Берн

**Как влюбиться в
герцога за 10 дней**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Берн К.

Как влюбиться в герцога за 10 дней / К. Берн — «Издательство АСТ», 2019 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-121046-5

Когда-то леди Александра Лейн стала жертвой самого омерзительного преступления, которое только может пережить женщина, и теперь сама мысль о близости с мужчиной вызывает у нее боль и отвращение. Но обстоятельства складываются так, что ей придется самой предложить себя в жены человеку, имеющему репутацию дьявола во плоти. Пирс Гедрик Атертон, герцог Редмейн, должен жениться, и как можно скорее. Но мужчине с лицом, изуродованным ужасными шрамами, и порожденной досужими сплетнями репутацией жестокого монстра не так-то легко найти себе невесту. И потому дерзкое предложение леди Александры принимается с восторгом. Поначалу любовь не входит в планы ни одного из «молодоженов поневоле», однако душевная близость, нежность и понимание способны исцелить даже самые глубокие сердечные раны...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-121046-5

© Берн К., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	18
Глава 2	25
Глава 3	31
Глава 4	37
Глава 5	43
Глава 6	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Керриган Берн

Как влюбиться в герцога за 10 дней

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Kerrigan Byrne
HOW TO LOVE A DUKE IN TEN DAYS

Перевод с английского А. Ф. Фроловой

Печатается с разрешения издательства St. Martin's Publishing Group и литературного агентства Nova Littera SIA.

© Kerrigan Byrne, 2019
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2021

Пролог

*Школа Шардонне
Мон-Пелерин, Женевское озеро
Швейцария, 1880*

– Вам известно, почему я вызвал вас в свой кабинет в столь поздний час, леди Александра? – Рука директора Мориса де Маршанда исчезла под его внушительным столом, но Александра не решалась опустить глаза, чтобы проследить за ней. Не хотелось даже думать о том, чем занята эта рука, скрытая от ее взгляда. Кроме того, ведь опускают глаза, как правило, лгуны. И Александра как раз собиралась солгать.

Она всегда ненавидела эту комнату. Здесь все кричало об избытке и показной роскоши. Повсюду дамская ткань. Ярко-красные, оранжевые и канареечно-желтые тона. Даже войдя сюда в столь поздний час, хотелось зажмуриться, чтобы спастись от яростной атаки на зрение.

– Нет, сэ, не знаю. – Александра призвала на помощь все, что усвоила из преподанных графиней Мон-Клэр уроков скромности и благопристойности, и встретила взгляд директора. Она надеялась, что ее глаза казались ясными и невинными.

Если судить объективно, то можно было понять, почему многие девушки в школе считали его красивым. Высокие скулы патриция, широкая челюсть, отлично сшитый костюм. Такие мужчины часто фигурируют в дамских романах. По мнению Александры, у него была слишком длинная и тонкая шея, казавшаяся неуместной на широких плечах. Эффект усиливался маленьким подбородком.

Ее подруга Джулия мечтательно сравнивала цвет его глаз с крепким хорватским портером. Но у Джулии – это стало ясно уже давно – мягко говоря, странный вкус. Если бы Александре пришло в голову сравнить с чем-нибудь глаза директора, она бы уподобила их тому, чем садовник Жан-Ив удобряет орхидеи в оранжерее.

Джулия почему-то всегда забывала о его склонности хлестать девочек по ладоням, когда они плохо себя вели. И в такие моменты его глаза вовсе не были добрыми. В них появлялось что-то иное – темное, страшное.

Он *хотел*, чтобы они плакали. Видя их слезы, он нервно облизывал губы.

Рука де Маршанда вновь появилась из-под стола. Он потер пальцами висок, потом прижал их к губам. Широкие рукава его черного директорского одеяния собрались складками у локтей, которые он водрузил на стол. За этим массивным, внушающим уважение столом сидело много подобных мужчин. Он переходил, словно корона и скипетр, к каждому новому владельцу замка.

– А вы подумайте, – усмехнулся мужчина. Его французский акцент временами становился особенно заметным. Впрочем, он и не старался его скрыть. – Вы – самая умная девушка, когда-либо учившаяся в нашей школе.

Александра живо представила себе поколения умных девушек, побывавших в этом заведении до нее. Они, вероятно, лучше умели скрывать свой интеллект.

– Вы мне льстите, сэ. Но, признаюсь честно, я понятия не имею, зачем вы позвали меня в столь поздний час.

Его веки слегка опустились, и взгляд сразу стал сонным. А глаза потемнели, неожиданно став почти злыми.

– Всегда такая вежливая, – пробормотал он и стал нервно переключать и передвигать то, что лежало у него на столе. Стопка бумаг, до этого придавленная мраморным пресс-папье, теперь отправилась в кожаную папку. – Такая правильная и внимательная. – Он сдвинул ручку на левый край стола. – Отличные оценки. Безупречное поведение. – Нож для открывания писем

он сдвинул вправо, и тот оказался на таком же расстоянии от правого края стола, как ручка от левого. – Безукоризненная ученица... совершенная женщина.

– Я еще не женщина, – напомнила Александра. Через несколько дней ей предстояло покинуть школу. Обучение окончилось. Тем не менее ей было всего семнадцать лет, и она была младше всех в своем классе. – И мне хорошо известны мои недостатки.

Она уже несколько дней думала только о них.

Де Маршанд хранил молчание. Он не сводил с нее глаз, и в конце концов Александра ощутила беспокойство. Желудок будто сдавили в кулак. Ее охватило предчувствие чего-то нового, неизвестного, пугающего.

Чтобы отвлечься, она уставилась на волосы директора. Они были цвета мокрого песка во время отлива. Темнее, чем золотистые, но светлее, чем каштановые. Весьма непритязательный цвет для такого высокомерного и могущественного человека.

– Вы считаете, леди Александра, что если вы безупречно ведете себя днем, то никто не замечает, чем вы занимаетесь в темноте?

Александра судорожно вцепилась пальцами в ткань юбки, постаравшись спрятать руки в складках. Дыхание перехватило. Она с трудом подавила желание бежать.

– Уверяю вас, сэр, я понятия не имею, о чем вы говорите.

Директор оперся ладонями на столешницу, встал, подался вперед и несколько мгновений нависал над ней, не сводя с Александры горящих глаз. Его лицо исказила злоба, но выражение быстро исчезло, и Александра решила, что ей показалось. Он подошел к буфету, стоявшему у выходящего на Женевское озеро окна. Растущая луна заливала горы серебряным светом, а раскинувшийся ниже по склону город сверкал и переливался золотистыми огнями.

– У умных людей есть раздражающая привычка. Они имеют склонность переоценивать себя и недооценивать других.

Александра сжала губы и нахмурилась.

– Сэр, если я сделала что-то, показавшееся кому-то оскорбительным...

– Хотите портвейна? – Де Маршанд отошел от буфета и повернулся к ней. У него в руках был хрустальный графин с темной жидкостью и два бокала.

У Александры пересохло во рту. Она стащила такой же графин у него года два назад, и еще бутылку портвейна из его обширной коллекции вин.

Значит... *он знал?*

И нашел пещеру.

Школа Шардонне для юных леди была построена в одиннадцатом веке на склоне горы Пелерин и изначально была замком. Владельцем школы был франкский аристократ. Исследуя свое новое обиталище вскоре после приезда, Александра как-то раз набрела на длинный извилистый коридор, который, если пройти по нему достаточно далеко, расширялся и превращался в пещеру, заканчивающуюся стеной из колючего кустарника и плюща.

Здесь она и ее ближайшие подруги Франческа Кавендиш и Сесилия Тиг создали общество Рыжих проказниц. Рыжих – потому что у всех трех были рыжие волосы. Проказниц – потому что здесь они проводили все время, свободное от получения так называемого дамского образования, занимаясь делами, запретными для дам. Они читали По и Дюма, сообщения о военных действиях, фривольную поэзию. Сами изучили латынь и алгебру. Они даже дали друг другу мужские имена, которые использовали при сборе их маленького общества и в переписке: Фрэнк, Сесил и Александр.

С годами они утратили бдительность, став, как поняла Александра, глядя на графин в руке директора, слишком смелыми. Стремясь во что бы то ни стало познать удовольствия, доступные мужчинам и запретные для дам, они время от времени воровали то одно, то другое у немногочисленных обитателей Шардонне мужского пола. Они считали, что брали только самые безобидные вещи, те, которых никто никогда не хватится.

Вроде одного из нескольких дюжин графинов, выставленных в шкафу директора.

– Портвейн, конечно, не тот напиток, который обычно предлагают дамам, – рассуждал директор, – но, полагаю, вы уже приобрели вкус к запретным вещам. Я прав? – На довольной физиономии де Маршанда, когда он протянул ей бокал, читалось огромное, ни с чем не сравнимое удовлетворение. – Желаете познать удовольствия, доступные только мужчинам?

Онемев, Александра взяла бокал дрожащими пальцами. Она не могла произнести ни слова и не осмелилась сделать глоток. Впрочем, даже при очень большом желании она не смогла бы проглотить портвейн.

– Вы были уверены, что все эти годы никто не знал о вашем маленьком обществе? – с откровенным удивлением сказал директор. – Троица рыжеволосых красоток. Одна – пухленькая и очень богатая, но без титула. Другая – дерзкая графиня, худая, почти костлявая.

Негодование, охватившее Александру от столь вольной оценки качеств подруг, вернуло ей дар речи.

– Я не думаю, что это справедливо...

– И вы, – продолжил директор с неуместным жаром. – Безупречное сочетание. Изящная, но аппетитная. Изысканная и желанная.

Александра пожалела, что плотно поужинала. Теперь все съеденное бурлило у нее в животе.

Де Маршанд выдвинул ящик стола.

– Неприлично говорить такие вещи, сэр. Мой отец будет недоволен...

Увидев бритву с перламутровой рукояткой в руке де Маршанда, Александра забыла, что надо дышать. А директор продолжал доставать из ящика сокровища, которыми рыжеволосая троица обзавелась за годы, проведенные в школе.

Пара подтяжек, цилиндр, запонки, рубашки и прочие мелочи. Далеко не все эти вещи принадлежали ему, а многие даже были выброшены их владельцами. И все же.

Александр не нравилось, что он ходил по их пещере – он осквернил их святилище своим одиозным присутствием. Ей было противно осознавать, что он трогал вещи, ставшие пусть не ее личными, но их общими сокровищами. Сокровищами, которые Рыжие проказницы собирались вернуть после выпуска.

– Четыре года! – Похоже, цифра впечатлила и самого де Маршанда, который аккуратно складывал их сокровища в кучу на краю стола. – Четыре года вы воровали у меня, когда считали, что вас никто не видит. Вы рылись в моих вещах. *Запретных* вещах! Это возмутительно! Мерзко!

Александра ощутила липкое скользкое отвращение.

Директор медленно покачал головой.

– Мы с вами похожи больше, чем вы думаете, леди Александра. У меня тоже есть склонность к запретным вещам.

Запретный плод.

Именно нечто запретное светилось в его темных глазах, в упор смотревших на нее. От его пристального взгляда Александра почувствовала, как по спине пробежали холодные мурашки. Именно этот холод заставил ее выпрямиться и расправить плечи. И приготовиться к бегству.

– Такая умная, – повторил он. – Но недостаточно умная, чтобы узнать, что я наблюдаю за тобой.

– Я знаю, что вы наблюдали за мной, сэр. – Она чувствовала это, даже когда была слишком юной и не понимала, что именно светится в его глазах. Желание не только запретное, но и преступное. – Больше, чем подобает. Больше, чем правильно.

– Мы не будем сейчас рассуждать о том, что правильно или неправильно. – Он махнул рукой в сторону украденных вещей. – Я достаточно долго наблюдал за вами, чтобы заметить: вы тоже следили за мной.

Александра тихо ахнула.

– Разве что как кролик, осматривающий небеса в поисках орла.

– Значит, вы думаете обо мне, как о хищнике?

Девушку охватило возмущение. Он желал, чтобы она его боялась.

– Я вообще о вас не думаю, сэр.

Его красивая физиономия в красноватом свете камина показалась ей неожиданно уродливой. Он резко подвинул графин и поставил бокал рядом со своей возвращенной собственностью.

Александра не могла не признать свою вину. Доказательства налицо. И все же его грехи были куда хуже, чем воровство. Она понимала это, чувствовала всем своим существом.

– Что я сделаю с вашей троицей? – задумчиво проговорил он, не сводя глаз с Александры. – Будь я мстителен, вызвал бы полицию. Будь я жесток, исключил бы вас.

– Нет! – воскликнула Александра. Будучи женщиной, она имела совсем мало шансов поступить в университет. А если у нее не будет рекомендаций от Шардонне, шансов не останется вообще. Ни одного. – Прошу вас, сэр! Это было всего лишь безобидное развлечение. Я приношу свои извинения за то, что мы взяли ваши вещи. Поверьте, мы хотели их только позаимствовать. Я возьму возможный ущерб, если только...

Мужчина наклонился, выдвинул другой ящик стола и достал из него длинный узкий ремень, который знала и которого опасалась каждая девочка в школе. Увидев его, Александра замерла.

– После сегодняшнего вечера я буду уверен, что вы, леди Александра, будете вспоминать обо мне всякий раз, когда захотите повести себя неподобающим образом.

Александра поставила бокал, боясь, что уронит его. А директор медленно обошел стол и направился к ней.

Ее ноздри раздувались от ненависти, но она подавила страх и протянула к нему руки ладонями вверх. Ее раньше никогда не наказывали. Она не делала ничего предосудительного. Но она видела, как наказанию подвергались другие девочки, и не могла не заметить его последствия.

– Это моя вина, сэр. Накажите меня, но, молю вас, не трогайте Франческу и Сесилию. Я зачинщица, и только я заслуживаю наказания.

– Как скажете. – Несколько секунд он смотрел на протянутые к нему руки, бледные и дрожащие. Потом поднял ремень, и Александра невольно зажмурилась, ожидая удара. Только удара не последовало.

Она вздохнула, отважилась поднять глаза на директора и сразу пожалела об этом.

Его лицо неувловимо изменилось.

– Нет. – Он указал ремешком на стол. – Для вас, леди, наказание должно соответствовать преступлению.

Она взглянула на гладкую поверхность стола.

– Не понимаю. Что вы имеете в виду?

– Вы хотели, чтобы к вам относились как к мальчикам в школе Ле Редон? – Он схватил ее за локоть и подтащил к столу. – Значит, будете наказаны, как они.

– Я... я не понимаю.

Де Маршанд расплылся в широкой улыбке. Надо же, какие у него белые зубы!

– Наклонитесь!

Глаза Александры расширились, и она сделала шаг назад, пытаясь вырваться. Теперь она поняла, как он хочет ее наказать.

– Нет, – прошептала она. Ее мысли металась. Надо было найти выход, но не получалось. Франческа знала бы, что делать. В крайнем случае, она бы использовала свой титул графини, чтобы образумить директора. Даже Сесилия могла использовать в качестве рычага воздействия

свое богатство. Ни один директор, находящийся в здравом уме и твердой памяти, не стал бы рисковать доходом, который она обеспечивала для школы. Но какое оружие было в распоряжении Александры? – Мой отец, английский граф Бентам, не потерпит этого. – Она снова попыталась вырваться, но безуспешно. – Узнав, что вы со мной сделали, он уничтожит вас.

Де Маршанд громко захохотал. Его физиономия оказалась так близко от ее лица, что Александра ощутила тошноту.

– Все знают, что твой отец не может справиться даже с размалеванной шлюхой, не говоря уже о влиятельном человеке.

Он не дал Александре время осмыслить его слова и повалил ее на стол. Его сильная рука легла на ее спину между лопатками и прижала грудью к столу. Она подавила крик.

– Расставь руки, – приказал он.

Александра была потрясена. Ей еще никогда не приходилось сталкиваться с грубостью и насилием, поэтому она подчинилась. Ладони ощутили прохладную гладкость стола. Закрыв глаза, она постаралась вспомнить, сколько на ней надето нижних юбок. По крайней мере, они смягчат удар. Она уже приготовилась почувствовать сильный шлепок ремня. А вместо этого ощутила холодный воздух, коснувшийся ног.

– Нет! – вскрикнула она и в очередной раз попыталась вырваться.

Он прижал ее к столу с такой силой, что поверхность столешницы показалась совсем не гладкой, а даже, пожалуй, зернистой.

А Александру охватила паника. Это не было наказание. И даже не порыв карающего гнева.

Вокруг них сгустилась атмосфера, в которой пульсировало что-то отвратительное, мерзкое, уродливое. Что она сделала? Чем вызвала такую страшную реакцию? Как все изменить?

– Прошу вас. – Она все еще пыталась сохранять спокойствие и подняться. – Позвольте мне встать. Вы делаете мне больно.

– Ты думаешь, мальчики тоже плачут и молят о пощаде? – Его слова прерывались тяжелым свистящим дыханием, словно он говорил сквозь стиснутые зубы.

Вывернув шею и скосив глаза, Александра видела его массивную фигуру над собой.

– Ты действительно так думаешь?

– Я... я... – Она ощущала полную беспомощность и не знала, что сказать.

– Нет, леди Александра, они мужественно принимают свою судьбу. – Его теплое, пожалуй, даже горячее дыхание на ее щеке показалось ей отвратительным. Но она не имела опыта общения с мужчинами и даже подумать не могла, что вслед за дыханием ее щеки коснется влажный язык.

Мокрый след на коже вызвал омерзение, но она не успела отреагировать, потому что мужчина принялся деловито задиравать ее юбки.

Потрясенная, она никак не могла решить, что делать. Бороться? Закричать в надежде, что кто-нибудь из учителей проснется и придет на помощь? Но защитят ли они ее? Или исключат из школы? А может быть, не сдерживать слезы, которые жгли глаза, и понадеяться, что он смягчится? Быть может, если она покорится порке, это быстрее закончится?

– Эта вещь достаточно тонкая, чтобы видеть сокровище под ней, – пробормотал мужчина, полностью сбив с толку Александру. – Полагаю, я ее оставлю.

Охваченная паникой девушка не сразу сообразила, что он ведет речь о панталонах. В этот момент последовал первый удар.

Используй он ремень, она бы покорилась. Ведь она заслужила наказание. И еще она желала защитить свои планы на будущее и близких друзей.

Она бы приняла свою судьбу мужественно, как мужчина.

Но он ударил ее рукой. Гадливое ощущение от прикосновения его пятерни к телу, жуткий звук соприкосновения плоти с плотью, боль и абсолютное унижение вызвали реакцию, на которую Александра не считала себя способной.

Мужчина нанес еще три удара, прежде чем ее сопротивление стало настолько сильным, что он больше не мог удерживать ее одной рукой.

Тогда он прижал ее к столу своим телом.

– Не дергайся, – задыхаясь, прошипел он, – или я за себя не отвечаю.

– Ответите, – выпалила она. – Я позабочусь о том, чтобы вы ответили перед законом.

Мужчина издевательски захохотал.

– Кому, по-вашему, поверят, леди Александра? Уважаемому учителю из династии, представителю которой обучали особ королевской крови, или маленькой испорченной воровке, выдвигающей возмутительные обвинения, чтобы спасти свою репутацию?

Вопрос заставил Александру задуматься.

Кому, на самом деле, поверят? В Англии она принадлежит к аристократии, но здесь... так далеко от дома... что она может?

– Отпустите меня! – Увы, ее требование прозвучало как просьба, даже мольба. – Отпустите, или я погублю вашу репутацию.

– Не получится, потому что сначала я погублю твою репутацию, – выпалил он ей в ухо и всем телом навалился на нее, больно прижав к столу.

Александра похолодела. Мужчина явно решил не ограничиться наказанием.

Она стала вырываться изо всех сил, но он был сильнее. Она требовала, чтобы он остановился, взывала к его разуму, умоляла – все тщетно. Он только еще больше распалялся. Все ее возможности были исчерпаны.

Директор просунул руку между их телами и расстегнул свои панталоны. После этого он быстро обнаружил прорезь в ее панталонах.

– Сопровствляйся, сколько хочешь, – прохрипел он. – Мне это даже нравится. В любом случае, это не займет много времени.

Времени действительно не потребовалось много. Александра следила, как с каждым ее выдохом полированная поверхность стола затуманивалась, а с каждым болезненным вдохом пар от дыхания исчезал.

Быть может, стоит вообще перестать дышать?

«Это не займет много времени». И не заняло.

Время, подумала Александра, не играет большой роли. За одно лишь мгновение можно потерять все – девственность, достоинство, способность доверять, чувствовать себя в безопасности.

А еще – рассудок. И себя.

Ее глаза бегали по столу, машинально отмечая несущественные детали: зернистость дерева, книги – обложка одной из них была цвета крови, отблеск лунного света на полированной поверхности. Она вспомнила, как Франческа вытащила некий предмет из кармана.

Перламутровая рукоятка.

Первая вещь, которую они у него украли.

Из-за этого он сейчас отбирает у нее невинность.

Александра обнаружила, что изо всех сил сжимает эту самую рукоятку. Но когда она успела ее схватить?

«Это может его остановить, – подумала она. – Я должна его остановить».

Девушка резко вывернулась и полоснула острым лезвием по горлу мучителя. Звуки, которые он издавал, моментально изменились. Теперь это были уже не громкие хриплые стоны. Они стали тише, мягче, влажнее.

Мужчина отпрянул от нее. Из нее. В тень. При этом он зажимал шею, словно пытаюсь удержать текущую кровь. Его губы двигались, но горло было перерезано, и он лишился голоса. Кровь стекала под воротник черного директорского одеяния.

Александра опустила юбки и отошла в сторону, все еще сжимая в руке бритву. Мужчина рванулся к ней и упал, уткнувшись лицом в ковер.

Стараясь двигаться очень тихо, девушка выскользнула из комнаты и плотно закрыла за собой дверь. Она побежала по темному коридору, освещаемому только лившимся сквозь высокие окна лунным светом. Она поднялась по лестнице в башню, где Рыжие проказницы делили великолепную комнату.

В ее ушах еще гремели звуки, издаваемые насильником. Они заглушали все остальное. Войдя в комнату, она с порога выпалила:

– Я убила его. – Но собственных слов тоже не услышала.

Рыжие проказницы стояли, тяжело дыша от усталости, под серебристым ночным небом, наблюдая, как Жан-Ив, школьный садовник, сажает маки. Было уже очень поздно – или совсем рано, как посмотреть, – но даже в этот час цветы переливались закатными красками. Садовник не сажал их аккуратными рядами. Он создал чудесную композицию, соблюдая совершенный баланс между хаосом и порядком.

– Де Маршанд всегда был дрянью, – сказал он. – Теперь, по крайней мере, это будет полезная дрянь. Удобрение для садовых растений. – Он снял шапку, вытер пот со лба и посмотрел на Александру с таким сочувствием, что она едва не разрыдалась. Мешки под глазами мужчины стали заметнее, всклокоченные волосы шевелил ветерок с озера. – Он творил что хотел, наслаждаясь полной безнаказанностью, и, в конце концов, возомнил, что ему позволено абсолютно все.

Александра закрыла глаза. Она до сих пор не пролила ни слезинки.

Ни когда Франческа с торчащими в стороны тонкими косичками морковного цвета, одетая в длинную голубую ночную сорочку укладывала бритву в карман де Маршанда, ни когда побледневшая Сесилия заворачивала тело в залитый кровью ковер и помогала садовнику снести его в сад. Ни когда они начали забрасывать его черной землей.

Проказницы позволили Александре только держать фонарь. С этим она справилась. Она стояла, словно статуя, освещая место, где закапывали труп, даже когда ее плечо стало дрожать от усталости, потом болеть и, в конце концов, гореть. Даже когда что-то отвратительное поползло по ее ноге, она не пошевелилась.

Она чувствовала холод. И пустоту. В какой-то момент ей показалось, что она сама превратилась в камень. Похоже, никто не сможет отобрать у нее фонарь. Она теперь всегда будет его держать. А когда придут власти – а они придут, как же иначе, – она сама укажет им, где тело. И вынесет им всем приговор.

– Я здесь сам все закончу, а потом позабочусь, чтобы в кабинете не осталось никаких следов. – Жан-Ив смотрел на Александру, хотя обращался к Сесилии. – Уведите ее, и как следует позаботьтесь о бедняжке.

Сесилия кивнула и погладила мужчину по плечу.

– Поговорим завтра. – Садовник нежно чмокнул девушку в висок и вернулся к работе.

Александра не могла выпустить из рук фонарь. Франческе пришлось разжать ее пальцы и забрать его.

Когда ее вели обратно в комнату, она ничего не чувствовала – только то, что находилось под ногами. Сначала это была трава, покрытая холодной росой, потом скользкий пол кухни, и, наконец, пушистые ковры школьных коридоров – суцая отрада для ног.

И для измученной души.

Александра не помнила, как очутилась в башне. Просто в какой-то момент поняла, что стоит в своей комнате и смотрит на угли в камине, а подруги тихо суетятся вокруг нее. Она даже не осознавала, что ее раздели, пока ее ноги не погрузились в теплую воду.

Огонь в камине вспыхнул, когда его пищей стали грязные ночные рубашки, халаты, любимое желтое платье Александры и ее нижнее белье. Франческа подбросила в камин еще два бревна, а Сесилия помогла Александре сесть в ванну и аккуратно вымыла подругу.

Александра следила, как горит ее нижнее белье.

Де Маршанд не снял его. Прорезь в панталонах, сделанная для удобства женщины, была удобной и для мужчин. Раньше она никогда об этом не думала. Впрочем, а кто заранее думает о подобных вещах? Ей внезапно захотелось предостеречь всех женщин, живущих на земле.

– Ты уверена, что Жан-Иву можно доверять? – Затянувшееся молчание нарушила Франческа. Она стояла, совершенно голая, перед шкафом, отыскивая чистые ночные рубашки. – Мне не нравится, что он все знает.

Александра внимательно осмотрела худое тело подруги. Де Маршанд ошибся. Франческа была худой, но вовсе не костлявой. Она была изящной, высокой, холеной и чем-то напоминала породистых лошадей, на которых так любила ездить. Она быстро соображала, имела острый язычок и невероятное чутье.

Александра ей очень завидовала. Возможно, обладай она хотя бы частичкой полезных качеств подруги, сумела бы спастись раньше, чем...

– Жан-Ив – единственный мужчина, которому я верю, – решительно заявила Сесилия и тыльной стороной ладони вернула на переносицу сползшие на кончик носа очки. – Он сохранит тайну, можешь не сомневаться.

Франческа замерла, держа в руках пару новых белых панталон. Ее зеленые, как у кошки, глаза светились любопытством.

– Кажется, твой отец еще жив? И он викарий?

– Да. – Лицо Сесилии помрачнело.

– А Жан-Ив – единственный мужчина, которому ты доверяешь?

– Все так, как я сказала. – Ее сапфировые глаза вспыхнули, но Франческа этого не заметила, поскольку надевала через голову ночную рубашку.

– Я знаю, этот человек важен для тебя, Сесил, но мы должны подумать...

– Жан-Ив и я давно договорились, – перебила ее Сесилия и, взяв кувшин, принялась мыть волосы Александры. – Когда мы отсюда уедем, я возьму его с собой.

– Но...

– Поговорим завтра! – Сесилия повысила голос. В нем прозвучала горячность, которой Александра раньше не замечала в подруге. Ее тон не предполагал споров. И даже Франческа замолчала.

«Моя вина».

Наконец прорвались горячие злые слезы. Они обожгли Александру не хуже огня инквизиции. Ее подруги поспорили, и все из-за нее. Она подвергла опасности и милого старика Жан-Ива, и своих лучших подруг.

«Моя вина. Моя вина. Моя вина».

Эти слова звучали в ее голове, словно ружейные выстрелы, постоянно ускоряясь. Как шлепок плоти по плоти. Она не могла сказать, как долго Сесилия и Франческа купали ее и куда дели грязную воду. Она не помнила, как ее одели и заплели косы, и когда она очутилась в постели.

Но прошло какое-то время, и громкий голос Франчески, зовущий ее по имени, проник сквозь густую пелену тумана, в котором она плавала остаток ночи.

– Александра!

– Моя вина. – Мысль, преследовавшая ее всю ночь, вырвалась сдавленным животным воплем. – Это все моя вина!

– Боже мой, нет! – Франческа устроилась рядом с ней и положила голову ей на плечо. – В том, что произошло прошлой ночью, твоей вины нет!

– Теперь вы мои сообщники, – всхлипнула она, корчась от мучительной душевной боли. – Я не должна была вываливать все это на вас. Это может сломать ваши жизни.

Подбежала Сесилия и легла рядом с Александрой с другой стороны, щедро делясь с подругой своим теплом.

– У всех нас есть тайны, Александра, способные сломать наши жизни.

– Но не такие, как эта. Я... я убила человека.

– Ты убила насильника. – Франческа натянула одеяло до подбородка Александры. – Мы сделали бы то же самое, окажись мы... – Она не закончила предложение, выказав чувствительность, которую обычно скрывала.

– У каждой есть тайны? – Александра повернула голову к Сесилии. До нее только теперь дошли слова подруги. – Я знаю вас четыре года... Вы никогда не говорили о страшных тайнах.

Сесилия всхлипнула, неожиданно став намного моложе своих восемнадцати лет.

– Я не хотела делиться этим ни с кем, – пробормотала она, – но не хочу, чтобы ты чувствовала себя одинокой.

Франческа всмотрелась в глаза Александры. Ее прелестное личико смертельно побледнело. Александра не представляла, что такой цвет лица может быть у живого человека.

– Мы должны поделиться всеми своими тайнами, тогда между нами возникнет неразрывная связь, основанная на безусловном доверии.

Слова подруги бесконечно тронули Александру.

– Расскажите мне, – прошептала она, готовая услышать все что угодно, только бы отвлечься от ужаса, с которым ей предстояло жить дальше.

Сесилия молчала целую вечность, собираясь с силами. Когда же она, наконец, заговорила, ее голос звучал тихо и хрипло:

– Я незаконнорожденная. У моей матери был любовник. Она умерла, давая мне жизнь, а отец... человек, вырастивший меня... дал понять, что никак не может быть моим отцом. И он всю жизнь попрекал меня тем, что моя мать умерла из-за своей неверности... нечестивости.

Франческа кивнула. Она хотела, но не могла облегчить боль подруги.

– Дорогая, он был жесток с тобой?

– Невыразимо. – Сесилия поморщилась.

– Ты знаешь своего настоящего отца? – спросила Александра, прижимаясь к Сесилии. – Это тот самый таинственный благодетель, который оплачивает твоё обучение?

Сесилия покачала головой и пожала плечами. От стыда ее щеки покраснели.

– Хотела бы я знать. Иногда я уверена, что это он. Я провела много лет в Шардонне одна. До того, как мы с вами подружились, Жан-Ив был моим единственным другом. Маленькой девочкой я часто пряталась в его саду и докучала ему. Постепенно мы подружились.

– Я чувствую себя настоящей тупицей, – призналась Франческа. – Если ты доверишься ему, значит, мы тоже.

– Чем больше людей знает тайну, тем больше опасность. – Сесилия смахнула с ресниц непрошеную слезинку. – А ты, Франческа? У тебя есть тайна?

– А как же! – горько усмехнулась девушка. – Я самозванка. Меня зовут не Франческа Кавендиш, а Пиппа. Пиппа Харгрейв.

Обе подруги произвольно разинули рты.

Изумрудные глаза Франчески блеснули.

– Мои родители – Чарлз и Хетти Харгрейв. Они были слугами Уильяма и Терезы Кавендиш, графа и графини Мон-Клэр. Мы жили в Йоркшире. Я выросла вместе с графскими детьми, Фернандом и Франческой.

Сесилия задумалась.

– Мне казалось, все Кавендиши погибли при пожаре, кроме...

– В огне никто не погиб.

Александра растерянно заморгала. Ей даже пришло в голову, что у подруги от горя помутился рассудок.

– Что? О чем ты говоришь?

Взгляд Франчески стал тусклым. Похоже, ее прошлое было настолько мучительным, что могло сломить ее, втоптать в грязь.

– Вы когда-нибудь слышали, чтобы пожар, начавшийся в доме, где жило около ста человек, среди бела дня, унес жизнь всех без исключения?

– Это действительно странно, если только... – Сесилия не договорила. Она и Александра обменялись задумчивыми взглядами.

Следующие слова Франчески подтвердили их худшие опасения.

– Если только все в доме уже не были мертвы. – Она смотрела куда-то вдаль, и ее лицо не выражало ничего. – Нет, не мертвы, – добавила она. – Зверски убиты. Люди на лошадях появились во время чаепития. Мне было восемь лет, и я решила, что их целая армия. Сейчас я думаю, что их на самом деле было не больше дюжины. Они убили всех – графа, графиню, слуг, моих родителей.

Ей потребовалось время, чтобы собраться и продолжить ужасный рассказ.

– Я убежала вместе с Франческой, но они ее поймали. Вырвали у меня из рук. Я видела, как они... они... Она даже не закричала. – Девушка прижала руку к горлу. Было нетрудно догадаться, как умерла Франческа.

Александра возненавидела себя за то, что почувствовала некоторое облегчение. Это нисколько не украшало ее. Получилось, что она нашла утешение в их боли, в их тайнах. Ведь это означало, что она не одна. Не только ей предстояло жить с грузом вины и стыда.

– О, Фрэнк! – Сесилия взяла подругу за руку. – Как же тебе удалось выжить?

На мгновение черты лица Франчески смягчились.

– Деклан Чандлер. Он нашел меня, и мы вместе спрятались в каминной трубе. Мы думали, что там нас никто не найдет и мы в безопасности, пока не начался пожар. Дым стал слишком густым. Мы едва не задохнулись. Пришлось выбираться. Оказалось, что к этому времени люди, убившие всех, уже уехали. Мы побежали в лес, но там нас заметил человек, которого оставили, чтобы убедиться: все следы преступления уничтожены огнем. От множества людей, от большого счастливого дома, который стоял на том месте с тех пор, как белая роза Йорков укрепила над английским тронном, остался только пепел.

Франческа взяла носовой платок, протянутый ей Сесилией, вытерла глаза и совсем неделикатно высморкалась.

– Тот человек пошел за нами, и Деклан – настоящий герой – отвлек его внимание от меня.

– Он... уцелел?

Франческа покачала головой. Ее губы дрожали.

– Я искала его везде, но не нашла. Создалось впечатление, что такой человек – Деклан Чандлер – вообще никогда не появлялся на свет. Он – сирота. А поскольку мать не зарегистрировала его рождение, его даже не искали. Что, если его маленькое тело так и осталось в лесу? Или его бросили в озеро? В болото? Меня с тех пор преследуют мысли о нем. Кажется, я единственный человек, который знает, что Деклан когда-то существовал. – Франческа всхлипнула. Александра сердцем почувствовала ее боль.

– Ты любила его, – поняла Александра.

– Пиппа любила его, – грустно улыбнулась Франческа. – А он любил Франческу. А Фернанд любил Пиппу. Если не вспоминать о маленьких разбитых сердцах, у нас было самое чудесное детство, которое только можно представить.

Несколько секунд девушки молчали, пытаясь осознать масштаб трагедии. Наконец Александра отважилась задать вопрос:

– Когда ты стала Франческой? И почему?

– Титул Мон-Клэр не передавался старшему сыну. Это означало, что любой уцелевший ребенок Кавендишей, мужского или женского пола, становился наследником поместья. Цыгане, которым было позволено жить в поместье, нашли меня, выкрасили волосы хной, подкупили клерков и поверенных, которые быстро оформили все бумаги, и я стала Франческой Кавендиш. Меня представили ко двору, и было решено отправить меня учиться в пансион в другую страну.

– Зачем все это цыганам? – удивилась Сесилия. – Хотят добраться до денег Кавендишей?

– Нет, – уверенно ответствовала Франческа. – Нет, деньги для цыган ничего не значат. Они сделали это по той же причине, которая заставляет меня участвовать в этом фарсе по сей день.

Александра понимающе кивнула.

– Мечь.

– Совершенно верно. – Франческа поцеловала подругу. – Я всегда буду хранить тайну об этом страшном убийстве в прошлом, а вы должны сохранить тайну об убийстве, которое непременно произойдет в будущем. Потому что, когда я узнаю, кто виновен в гибели моей семьи... – Она не договорила. Впрочем, в этом не было необходимости.

Александра тоже поцеловала подругу в мокрую от слез щеку.

Франческа взглянула на Сесилию, вытиравшую слезы.

– Мне так жаль вас обеих! – Александра села и крепко обняла подруг. – Вы двое – моя настоящая семья, – торжественно проговорила она. – У меня никогда не будет ни мужа, ни детей. Ни один мужчина не захочет на мне жениться... а мне это и не нужно. Не желаю, чтобы кто-нибудь из этих грубых скотов ко мне прикасался.

– Я тоже, – фыркнула Франческа. – Все мужчины – мерзкие, требовательные бессердечные кретины. Без них лучше.

– Согласна, – прошептала Сесилия. – Тем более что институт брака придумали не для того, чтобы люди были счастливы. Пусть жизнь разбросает нас, но мы всегда сможем вернуться друг к другу. Провести вместе праздники. Положиться друг на друга. Теперь мы связаны узами крови.

Александра снова легла и сложила руки на груди под сердцем. Франческа положила ладонь на ее руки, Сесилия последовала ее примеру.

– Мы связаны навечно, – повторила она, – тайнами, кровью и болью.

– А еще доверием, страстью и мечью, – мрачно добавила Франческа.

– Дружбой, любовью и надеждой, – проговорила Сесилия. – Иначе зачем мы столько вынесли?

Невероятная чудовищность ночи внезапно обрушилась на Александру с могуществом цунами, грозя сокрушить ее, утопить в бездне отчаяния. Когда подруги отстранились, она не отпустила их, прижимаясь к ним всем телом. Не говоря ни слова, они устроились рядом с ней, и она оказалась в уютном гнездышке из их тел и темноты.

В тот момент они были одни во всем мире.

Только это было не так. Наступит утро, и все узнают... Или не узнают. Будет очевидно лишь одно: директор исчез. Александра ощутила довольно сильное жжение между ног и опять почувствовала себя грязной. Ей надо было как следует помыться.

Ей придется научиться скрывать, кто она. Кем он ее сделал. Убийцей.

Боже! Неужели она сможет сохранить такой ужасный секрет? Ей стало страшно. И очень больно. Слово почувствовав это, Сесилия прижалась к ней и прошептала на ухо:

– Тебя всегда будет преследовать эта ночь. И ты всегда будешь жалеть о том, что у тебя отобрали. Но тело исцелится, Александра, и ты станешь сильнее.

Франческа прижалась к подруге с другой стороны и поцеловала ее в висок.

– Твое сердце снова научится спокойно биться, поверь мне. А пока это не произойдет, я буду защищать тебя, обещаю.

Они будут защищать друг друга. Любой ценой.

Глава 1

Мейнмаут, Девоншир, 1890
Десять лет спустя

«Александр,
Прими приглашение в Редмейн-касл. Я в опасности, ты мне нужен.
Фрэнк»

Александра Лейн всю долгую поездку в поезде из Лондона в Девоншир обдумывала эти слова, пребывая далеко не в радужном настроении. Во-первых, ее безумно раздражала манера Франчески не сообщать никакой конкретной информации. Короткая неопределенная записка, которую она сжимала в руке, вселяла тревогу – но и только. Во-вторых, Александра больше не могла позволить себе купе первого класса и была вынуждена в течение нескольких часов находиться в непосредственной близости от коренастого широкоплечего работяги. Наедине с ним.

Сначала он попытался заговорить с ней – весьма вежливо, кстати, – но она с такой же любезностью отвергла его неуклюжие попытки, продемонстрировав повышенный интерес к своей корреспонденции. Однако теперь они оба понимали, что за время поездки два ее письма можно не только прочитать, но и выучить наизусть.

Она вела себя грубо, Александра это отлично понимала. Она все время прижимала к себе дорожный саквояж, и лишь изредка ее рука скользила внутрь, чтобы нащупать маленький пистолет, который всегда был при ней. Голоса других пассажиров, доносившиеся из соседних купе, спокойствия не прибавляли. Она понимала, что они услышат ее крик, и это давало ей некоторое ощущение безопасности. Впрочем, небольшое.

Последние десять лет она много времени проводила в компании мужчин. Вроде бы уже давно следовало привыкнуть. Но, увы, этого не произошло.

Зато она научилась мастерски манипулировать ситуацией, и когда ей приходилось выносить общество мужчин без женщин, она заботилась, чтобы мужчина был не один. В тех кругах, в которых она часто бывала, мужчины в обществе себе подобных вели себя прилично.

Во всяком случае, пока ее методика работала.

Александра почувствовала, что поезд сбавляет ход, с облегчением вздохнула и мысленно вознесла благодарственную молитву Всевышнему. Наконец-то они приехали. Она не желала поднимать глаза, опасаясь, что сразу окажется втянутой в разговор с нежеланным спутником. Дождь стекал по окну купе; его струйки на стекле отбрасывали тени, похожие на маленьких змей, на два письма в ее руке. Они были очень разные. Эти письма. Одно – приглашение на свадьбу, другое – тревожная записка Франчески.

Совсем недавно она была готова поставить все свое наследство на то, что Франческа Кавендиш не будет первой из Рыжих проказниц, которая свяжет себя брачными узами.

Совсем недавно она еще думала, что у нее есть наследство.

Казалось, им было суждено сдержать обещание, которое когда-то дали три юные, лишившиеся иллюзий девочки – никогда не выходить замуж.

Но тут одновременно пришло два письма – приглашение на маскарад, устраиваемый герцогом Редмейном по случаю бракосочетания, и странная записка подруги.

Приглашение, в общем, тоже было неоднозначным. В нем было сказано, что на балу будет объявлено имя будущей герцогини. Кроме того, Александре предстояло стать подружкой невесты. Той же почтой была доставлена просьба о помощи от Франчески – Фрэнка. Записка нахо-

дидась в маленьком конверте, запечатанном печатью Рыжих проказниц – они придумали ее несколько лет назад.

Александра даже не знала, что Франческа уже вернулась из путешествия. Последние сведения о ней она получила из Марокко. В ее письмах не было ни одного упоминания о поклоннике, тем более о серьезном ухажере. И уж точно подруга ничего не писала о герцоге.

У Франчески была непреодолимая склонность к озорству и тенденция считать опасность захватывающим приключением. Так что же могло испугать ее бесстрашную подругу?

«Вероятно, брак», – мысленно усмехнулась Александра. Все же это в высшей степени рискованное предприятие. И, безусловно, опасное.

Александра аккуратно разгладила юбки, мимолетно отметив, что ткань становится все более изношенной.

Ей следовало больше заботиться о своей одежде. Не надо было считать само собой разумеющимся то, что отец всегда сможет купить ей другое платье.

Поезд, фыркая и дергаясь, подъезжал к платформе. Чемодан ее попутчика покачнулся и свалился с сиденья прямо к ногам Александры. Еще один рывок поезда, и чемодан скользнул по полу, наполовину оказавшись у нее под юбками.

– Прошу прощения, мадам, – проговорил мужчина с резким континентальным акцентом и потянулся к ее ногам, точнее, к своему чемодану. – Я только...

Александра вскочила на ноги и рванулась к двери купе. Она вывалилась в узкий коридор и едва удержалась на ногах, ловя на себе недоуменные взгляды более разумных пассажиров, которые дожидались полной остановки транспортного средства, сидя на своих местах.

Можно ли было вести себя более абсурдно?

Конечно. Но с ней случалось подобное множество раз.

Она вцепилась в поручни, чтобы не упасть, и спрыгнула на перрон, как только проводник открыл дверь вагона. Посоветовав себе немедленно забыть об этой ерунде, Александра укрылась под навесом в ожидании багажа. В конце концов, неловкость – сущая чепуха по сравнению с безопасностью.

Спустя полчаса Александра продолжала стоять на платформе, нервно переступая с ноги на ногу. Вокруг нее проплывали облака пара и морского тумана. Она уже была готова ехать в Редмейн-касл. Если, конечно, Сесилия когда-нибудь приедет.

Экипаж должен был встретить ее четверть часа назад, но Александра не сомневалась: ее милая, неорганизованная, медлительная подруга непременно опоздает. Сесилия всегда на полчаса отставала от всего мира.

– У вас есть компаньонка, мисс? – спросил молодой носильщик. У него были очень тоненькие прямые усики, казавшиеся нарисованными. Впрочем, они таковыми не только казались. Они действительно были подрисованы карандашом. Мальчишка сделал это, желая казаться старше. Судя по имени на блестящем значке, его звали Смит. – Понимаете, мне нужно работать, но не хочется оставлять вас в одиночестве. Здесь много людей и багажа прибыло для большой свадьбы, предстоит все выгрузить и отправить. Мне не хотелось бы вас оскорбить, мисс, но я не могу позволить себе лишиться вознаграждения за работу, стоя без дела рядом с вами. Дело в том, что у меня больна мама.

Стоя рядом с обнищавшей старой девой, подумала Александра. Он не произнес этих слов, но все было и так понятно.

– Конечно. – Александра не стала ему говорить, что станет одной из подружек невесты на предстоящей свадьбе. Не сообщила она ему и о том, что, будучи дочерью графа, имеет право на обращение «леди», а не «мисс». Вместо этого она достала драгоценные полпенсы из саквояжа, который приобрела в Каире, и вложила в руку молодого человека. – За мной приедут. Спасибо.

Она почувствовала облегчение, когда носильщик поспешно убежал. Судя по суете на платформе, у железнодорожных служащих действительно было много работы. Повсюду сновали пассажиры – в толпе мелькали знакомые лица. Александра старалась их избегать.

Чтобы они не увидели, что она вышла из вагона второго класса.

Они вполне могли слышать о финансовых затруднениях ее семьи и нередко за глаза судачили о ней – старой деве, – слишком старой и умной, чтобы заполучить мужа.

А если бы они знали правду? Что бы тогда сказали?

Ей было очень трудно нести груз вины и стыда, и она понимала, что еще одного скандала не переживет.

Скоро все закончится, полагала Александра. Новость о финансовом крахе ее семьи не останется тайной надолго. А когда закончится то, что осталось от ее средств, выплывет наружу информация о ее былом грехе.

Потому что, если человек не может оплачивать свои счета, он тем более не имеет возможности платить шантажисту.

Хорошо, что Франческа выходит замуж сейчас. Титул герцогини защитит ее, когда разразится скандал.

А что будет с Сесилией, милой дорогой Сесилией? Титул ее не защищает. Хотя репутация ее не заботит. Ее знают только в очень узких академических кругах.

Репутация – ничто в сравнении с петлей виселицы. А сейчас им всем грозит именно она.

Усилив воли подавив страх, Александра спряталась за маленьким холмиком своего багажа. Холмиком он представлялся в сравнении с высоченными горами сундуков, чемоданов, шляпных коробок и саквояжей, которые высились на перроне.

Граф и графиня Бевелсток поспешно прошли мимо, кутаясь в меха. Целая армия слуг, носильщиков и проводников, в том числе Смит, несла их багаж к ожидавшему их огромному экипажу.

Лорд и леди Бевелсток некогда числились среди ближайших друзей ее родителей.

До недавнего времени.

К счастью, поезд выплюнул очередную порцию белого дыма, скрыв ее от глаз.

– Александра? Леди Александра Лейн? Неужели это ты?

Александра непроизвольно поморщилась, услышав свое имя, но тут же заулыбалась, увидев, кто к ней подошел.

– Джулия? Джулия Трокмортон?

Они обнялись с искренней теплотой давних друзей, встретившихся после долгой разлуки, после чего отступили, желая рассмотреть, что с ними сделали годы. Оказалось, что время проявило больше доброты к Джулии, чем к ней. На ее школьной приятельнице были весьма недурные сапфиры и бриллианты.

– Сколько же мы не виделись? – спросила Александра.

Джулия поправила золотистый локон, выбившийся из прически, и задумалась.

– Не меньше шести лет, – в конце концов сообщила она. – Мы встречались в кафе в Бостоне тем летом, когда мы с мужем отправились в путешествие по Новой Англии. А до этого – только в Шардонне. Неужели прошло уже десять лет?

– Даже не верится, – честно ответила Александра. Воспоминания о школе, особенно о событиях последних проведенных там дней, были яркими и совершенно отчетливыми. Словно все было только вчера. Или с тех пор прошла целая жизнь? – А где же лорд Трокмортон? Вы же наверняка приехали на свадьбу вдвоем?

Блестящие глаза Джулии потускнели. Да и улыбка поблекла.

– Конечно, ты же ничего не знаешь. Два года назад, когда умер мой муж, ты была в Греции.

Александра порывисто схватила ее за руку.

– О, прости меня, Джулия, я не слышала об этом печальном событии. А когда я в поле, то газет не читаю. Прости, что я не написала. Ты, наверное, помнишь, что я ненавижу писать.

– Не думай об этом. – На красивое лицо Джулии вернулась улыбка, хотя и несколько напряженная. – Я знаю, что у тебя и своих проблем хватает, бедняжка. – Таким образом она дала понять Александре, что знает о ее стесненных обстоятельствах, но слишком деликатна и хорошо воспитана, чтобы о них говорить.

Вот почему Джулия, которую все Рыжие проказницы считали подругой, так никогда и не была допущена в их узкий кружок. Дело было не в другом цвете волос. Просто она всегда была несколько заносчивой, хотя никогда не имела для этого оснований. Она вышла замуж за лорда Уолтера Трокмортон, виконта Лейтона, человека вдвое старше ее и раза в три тяжелее – он слишком много пил.

– Представь себе, мне всего двадцать восемь, а я уже вдова. Правда, лорд Трокмортон оставил мне неприлично большое состояние, – сообщила Джулия. Ее самодовольство отдавало вульгарностью. – И теперь я наслаждаюсь жизнью, путешествуя по миру вместе с лордом и леди Бевелсток.

– Как мило. – Александра надеялась, что ее слова прозвучали искренне.

Если Джулия и заметила издевку в ее тоне, то виду не показала.

– Какой таинственный человек этот герцог Редмейн. Я слышала, что он ужасен. Ты знаешь, на ком он женится?

– Понятия не имею. – Александра вздохнула. Ей надоело сплетничать. Хотя она с удовольствием предвкушала потрясение Джулии, когда та узнает, что невеста герцога – Франческа.

Продолжать беседу не пришлось.

– Леди Трокмортон! – окликнула Джулию леди Бевелсток из экипажа. – Нам пора ехать. Нашего приезда ждут *важные* люди.

От Александры не укрылся акцент, который та сделала на слове «важные».

– Тогда давайте поспешим. – Джулия расцеловала Александру в обе щеки, плотнее закуталась в свои меха и направилась к экипажу. – *Au revoir*.

Экипаж Бевелстоков тронулся с места и покатил к одному из самых старых и величественных замков, когда-либо стоявших на британской земле.

Редмейн-касл.

Александра огляделась. Ей стало интересно, видно ли отсюда в погожий день замок или море. Погода была мрачной и пасмурной. Стемнело. Небо затянули тучи, такие низкие и тяжелые, что в некоторых местах казались черными. Временами между ними проблескивали зигзаги молний. А по земле стелился плотный вязкий туман, который не могли разогнать ни дождь, ни ветер. Он клубился вокруг ног пешеходов.

Маленькая деревушка Мейнмаут-Моор располагалась совсем рядом – очаровательные улочки с живописными лавками. Небольшие ухоженные фермы, аккуратные коттеджи и дома знати находились чуть дальше на склоне холма, так что шум и суета железнодорожной станции не тревожили их обитателей.

Сильный порыв ветра швырнул острые холодные иголки дождя прямо в лицо Александры, заставив ее поежиться. Она стояла на платформе под навесом. Однако непогода разгулялась, и ее одежда уже изрядно намочила. Еще немного, и она промокнет до костей.

«Поторопись, Сесилия», – мысленно взмолилась она и открыла зонтик, понимая, что толку от него не будет никакого.

В небе сверкнула молния и, прорезав тучи, устремилась вниз – к поезду. Александре показалось, что на какое-то мгновение время остановилось – люди на платформе застыли, ожидая удара грома, прежде чем продолжить движение.

Он не замедлил последовать, причем оказался воистину оглушительным. Александра инстинктивно втянула голову в плечи, подумав, что в небе, вероятно, произошло грандиозное столкновение одного облачного воинства с другим – оно и произвело такой грохот.

Большинство пассажиров уже разошлись, и у поезда появились промокшие до нитки торговцы и их работники. Распахнулись двери грузовых вагонов, и началась выгрузка.

Подъемную рампу установили у дверей вагона для перевозки скота, и группа рабочих вывела четырех превосходных чистопородных лошадей. Рабочим отдавал приказы уверенный властный мужской голос, привлекавший к себе ничуть не меньше внимания, чем гром.

Александра прищурилась, пытаясь разглядеть, кому принадлежит голос. Чем-то он привлек ее, вызвал интерес и смутную тревогу.

– Он слишком беспокоится, – послышался тот же голос из вагона. Оттуда были выброшены – явно сильной рукой – две веревки. – Вы, там, держите веревки натянутыми, пока я не надену на него шоры.

Все свадебные гости уже разъехались – кроме Александры, конечно. Смит проскользнул между оставшимися немногочисленными путешественниками и побежал к вагону, из которого доносился голос. Казалось, его что-то неудержимо манило туда. Что вызвало такое любопытство? Животное, которое находилось там? Или человек?

Смит схватил веревку и осторожно натянул ее, пока вся слабина не была выбрана. Его решительность компенсировала недостаток роста. Молодой человек несколько раз обмотал веревку вокруг запястья, после чего крепко сжал в руке.

Александра стояла слишком далеко и не могла предупредить юношу об ошибке. Ей оставалось только надеяться, что найдется кто-то другой, достаточно наблюдательный, кто сделает это.

Не нашелся.

Крепкий широкоплечий лакей наклонился, чтобы взять вторую веревку, но прежде чем ему это удалось, в очередной раз сверкнула молния, и раздался сильнейший удар грома. Люди на перроне на мгновение ослепли и оглохли.

Из вагона послышался громкий звук – его явно издало живое существо, но не человек, и оттуда вылетел огромный жеребец. Рампу он, похоже, даже не заметил, и, совершив грациозный прыжок, оказался на перроне.

Как только его копыта коснулись земли, он стал на дыбы, после чего принялся брыкаться – очень грациозно, но смертельно опасно для всех, кому не повезло оказаться поблизости.

Несколько человек упали. Возможно, жеребец задел их копытом, но, скорее всего, они всего лишь поспешили убраться с его пути.

В дверях вагона появилась еще одна фигура – очень высокий человек, приказавший громовым голосом всем отойти.

Услышав голос хозяина, жеребец перестал брыкаться и понесся прочь, причем не к грузовому двору или к дороге, а к еще не совсем опустевшей пассажирской платформе. Смит громко завопил. Его подбросило в воздух, после чего он грузно – несмотря на свой небольшой вес – рухнул на землю. Судя по весьма неприятному звуку, сопровождавшему его падение, юноша вывихнул плечо. Если, конечно, ему повезло.

Александра огляделась, желая убедиться, что на платформе больше нет пассажиров. Она увидела престарелую чету – мужчина и женщина, помогая друг другу, спешили к зданию станции, и молодую женщину, которая пыталась одновременно нести саквояж и толкать коляску. Девочка лет пяти дергала мать за юбку и с любопытством смотрела на несущегося жеребца. Ее мать обернулась, на мгновение в ужасе застыла, но тут же бросила саквояж, чтобы спасти детей.

Взглянувшей на жеребца Александре показалось, что он не скачет, а летит – слишком уж близко он очутился всего за несколько секунд.

Бедный Смит. Не надо было ему наматывать веревку на запястье. Теперь жеребец волок его за собой, как мешок с зерном. Юноша, как мог, уклонялся, защищая голову от копыт, и пытался освободиться. Но Александре не было видно, получается у него это или нет.

Она еще раз огляделась. Быть может, все же кто-нибудь придет на помощь? Ведь на платформе должны быть какие-нибудь мужчины – проводники, носильщики, констебли – ну хоть кто-нибудь!

Можно было и не смотреть. Когда это мужчины ей помогали?

Престарелая чета уже была почти в безопасности, у дверей здания. Но у матери с детьми шансов не было.

Очередной удар грома, и жеребец понесся быстрее.

Александре пришла в голову идея.

Руки в перчатках вспотели.

Жеребец, уже приблизившийся к платформе, напряг мышцы, чтобы совершить небольшой прыжок с земли на платформу. Ему это удалось без особого труда. Он стрелой пронесся мимо Александры. Теперь его мускулистое тело, словно снаряд, несло прямо к перепуганной матери с детьми. Вдали по платформе металась еще несколько пассажиров. Ну чего, спрашивается, метаться! Надо прятаться!

Александра бросила зонтик, схватила одну из веревок, которая волочилась за жеребцом, и изо всех сил потянула. Голова жеребца дернулась в сторону, он недовольно заржал, и его гигантское тело тоже немного повернулось.

Не было времени думать. Ей надо вывести его из равновесия и дожидаться, пока из его глаз не исчезнет белизна. Александра бросилась к жеребцу, прижалась к его массивному телу и продолжала тянуть веревку – чомбур – на себя, вынуждая жеребца поворачиваться, крутиться на месте.

Краем глаза она заметила, что второй чомбур свободен. Вероятно, во время прыжка на платформу Смиуту удалось освободиться. Теперь юноша лежал в грязи без движения.

Гигантское животное фыркало и дергало головой, но после нескольких кругов немного успокоилось, что Александра посчитала своей победой. Неожиданно ей пришло в голову, что она понятия не имеет, как быть дальше. Человек с властным голосом что-то говорил о шорах. Совершая следующий круг, она подхватила с платформы свой открытый черный зонтик и накрыла их головы – свою и жеребца, существенно ограничив обзор.

Александра не сводила глаз с потрясающего животного. Она тяжело дышала. Жеребец тоже.

– Ну вот, ты большой молодец, – заговорила она, продолжая двигаться по кругу, но все медленнее. – Еще немного, и совсем успокоишься. Знаешь, я тоже не люблю грозу. И толпы людей. Неудивительно, что ты повел себя ненадлежащим образом.

Жеребец недовольно заржал.

– Я с тобой полностью согласна. Ты имел все основания для возмущения, – продолжила она. – Ты же не просил, чтобы тебя заташили в холодный неудобный вагон. Тебе нужна сухая конюшня, свежее сено и теплая вода. Звучит заманчиво, правда?

Разумеется, Александра могла и дальше продолжать свой монолог, но все же ей хотелось, чтобы кто-нибудь избавил ее от этого зверя. Мать с детьми теперь наверняка в безопасности, так что пора бы и о себе позаботиться. Неожиданно Александра почувствовала дрожь в коленях. Ноги предательски ослабели. Надо держаться. Нельзя же рухнуть на платформу прямо под копыта этого гиганта.

И она, и жеребец вздрогнули, когда раздался очередной удар грома, но черный зонтик скрыл от них молнию, и они продолжили водить хоровод.

Александра снова принялась бормотать жеребцу бессмысленные глупости. Зонтик ограничивал видимость, но слышимость оставалась хорошей. Крики людей, детский плач, стук дождя по навесу.

Наконец рядом послышались уверенные шаги.

– Юная мисс, вы можете идти на звук моего голоса?

Александра ощутила, как по спине прокатилась волна дрожи, не имевшей ничего общего с промокшей насквозь одеждой. Причиной ее был и не страх. Осознание. Или предвкушение. В ней каждый нерв был настроен на этот голос.

Юная мисс? И не юная... и не мисс.

Могла ли она пойти за ним? Имей святой Патрик голос, ему бы не пришлось изгонять змей из Ирландии. Они бы последовали за ним добровольно, куда бы он их ни повел.

Этот голос явно не принадлежал святому, равно как и любому другому представителю небесного воинства. Его глубокий тембр содержал слишком много оттенков. Но не призрачных, а вполне земных, чувственных.

Такой голос манит, искушает, намекает на преступные деяния и тайные желания.

В общем, очень опасный голос.

Таких Александра научилась избегать.

Она не сразу поняла, что так и не ответила на вопрос.

– Я... я не могу.

– Хорошо. Сейчас я подойду к вам и возьму второй чомбур. Но вы должны передать мне зонтик.

Мужчина предположил, что ее неуверенность вызвана непредсказуемым конем. Так и должно было быть. Теоретически. Будь на ее месте любая другая женщина с любым другим прошлым, для нее две тысячи фунтов мускулистой лошадиной плоти были бы более пугающими, чем две сотни фунтов плоти мужской.

По правде говоря, она предпочла бы общение с неуправляемым жеребцом, чем с мужчиной – обладателем такого голоса. В нем она услышала сдерживаемую ярость, скорее всего, незаметную ни для кого, кроме нее.

Больше никто и никогда не застигнет ее врасплох. За прошедшие десять лет она научилась слушать, замечать скрытые вибрации под социальными любезностями и ничего не значащими банальностями.

В его спокойном голосе крылись неизведанные мрачные глубины, какая-то первобытная дикость, от которой ее бросило в жар.

Она уже открыла рот, чтобы ответить, но тут паровоз издал гудок, готовясь к отправке. Откуда-то снизу вырвались клубы белого дыма.

Жеребец шарахнулся в сторону и впечатал Александру в столб. Удар был такой сильный, что у нее перехватило дыхание.

Она сползла по столбу в пар и туман, открыла рот, но не могла издать ни звука. Легкие горели и отказывались ей повиноваться, и сделать вдох она не могла.

Александра лежала на боку, охваченная болью и паникой. Со всех сторон к ней подступал мрак. Она молила о глотке воздуха, пыталась вздохнуть, но не могла. И она поняла, что через несколько мгновений утонет во мраке, растворится в нем, перестанет существовать.

Перед глазами мелькнули черные пятна. Или это были черные сапоги и темные копыта?

Она услышала тревожное ржание и громкие ругательства. Живое существо столкнулось с живым существом. Животное с мужчиной. В конце концов мужчина одержал верх. Кто бы сомневался?

Мужчина, как всегда, оказался сильнее.

Глава 2

Александра не дышала. Стук копыт удалился и стих. Исчез. Слышался только топот ног. Сквозь окутавший ее густой туман до сознания доносились обрывки фраз.

– Найдите мне мерзавца и запирайте где-нибудь. Я придушу его своими руками. – Тот самый голос. Мужчина, казалось, задыхался от злости.

– Невозможно... милость... обратно в Лондон... – Другой голос – торопливый, испуганный.

– Какой чертов идиот догадался давать свисток в такой обстановке?

– Кондуктор... он ее не видел... непогода... ужасная... милость...

Невозможная милость? Ужасная милость? Пытаясь что-нибудь понять, Александра почувствовала, что вот-вот лишится чувств.

Милость, конечно, может быть невозможной и ужасной. Но ведь так не должно быть, разве нет?

Милость – это спасение. Божественное прощение. Получит ли она его?

Скорее всего, нет.

– За это кто-то будет повешен! – проревел тот же голос, на этот раз ближе.

– Да, конечно, ваша...

– Где она? – Мужчина, похоже, плевался огнем.

«Я здесь, на земле, – вяло подумала Александра. – Или я уже бесплотный дух?»

Пусть лучше он ее не замечает. Так будет лучше для всех. Возможно, если она исчезнет, уйдет в туман, все скандалы и неприятности уйдут вслед за ней, канут во мрак. И больше ничего не будет угрожать ее верным подругам, да и то, что осталось от доброго имени ее семьи, не будет запятнано.

Наверное, это и есть решение, которое она искала.

Героическая смерть.

Она несколько секунд обдумывала перспективу, но тут прямо перед ее глазами из тумана появились черные сапоги, и сразу же исчезли, потому что мужчина опустился рядом с ней на колени.

Только почувствовав на себе его руки, Александра, наконец, смогла вздохнуть.

– Нет! – закричала она. Или прохрипела?

– Не двигайтесь. – Сильные руки ощупали ее плечи, бока, бедра. А она все дышала и никак не могла надышаться. – Я должен убедиться, что у вас все кости целы.

Александра не ощущала никакой боли от его прикосновений. Только страх. И что-то еще.

Она не могла бороться. Ее тело отказалось ей повиноваться.

Это был ее самый страшный ночной кошмар.

Сколько раз ей приходилось сражаться с мраком? Мужчина без лица держит ее, шарит руками по ее телу, а она ничего не может сделать.

Вздрогнув, Александра почувствовала, что силы к ней вернулись. Она попыталась отпрянуть, откатиться и лягнуть мужчину – все одновременно. Ничего хорошего не получилось. Ее буквально скрутил болевой спазм.

– Кто-нибудь, позовите доктора! – рявкнул мужчина и выругался. – И чертова гробовщика.

– Не надо гробовщика, – пробормотала Александра. – Я выживу.

Она попыталась выдернуть ногу – мужчина как раз держал ее за щиколотку, – но он прижал ее к земле.

– Гробовщик понадобится кондуктору, – мрачно сообщил мужчина, – когда я его убью. А вы постарайтесь не шевелиться.

– У меня ничего не сломано. – Александра дернула ногой, как будто рука мужчины была жуком, которого она старалась стряхнуть с юбки. – Отпустите, пожалуйста, мою ногу.

К ее немалому удивлению, мужчина подчинился. Он встал с колен, но продолжал нависать над ней, словно привидение, мрачный дух, поднимающийся из тумана.

Дождь промочил его рубашку, которая, вероятно, раньше была белой, но теперь приобрела весьма замысловатую окраску. Мокрая одежда облепила фигуру, достойную греческого героя. Широкие плечи и мускулистые руки могли бы впечатлить Атласа, а торсу наверняка позавидовал бы Арес, статую которого Александра видела на вилле Адриана.

Кроме того, этот человек был воплощением злобы и порочности Гадеса. Какие у него шрамы!

Легко представить себе, как божество, заметив смертного, бросающего вызов его силе и красоте, посылает на землю некое существо, чтобы оно испортило своими демоническими когтями безупречные черты.

– Вы можете нормально дышать? – требовательно спросил мужчина. – Как вы себя чувствуете? – Вопросы могли бы показаться мягкими, если бы их произносили другим голосом.

– Я чувствую... ну... – Как она себя чувствует? Что чувствует? – Я чувствую себя, как человек, которого сбила лошадь. – Она с присвистом вздохнула. – Но я могу нормально дышать, и, похоже, обошлось без переломов. Только ссадины и синяки.

– Вам повезло, – сообщил мужчина и схватил ее руку. – Кажется, последние двадцать секунд стоили мне двадцати лет жизни.

– Что вы делаете? – удивилась Александра и попыталась высвободить руку, с которой он деловито стаскивал перчатку.

– Ищу ожоги от веревки. – Мужчина отбросил перчатку и повернул ее руку ладонью вверх. – Ваши перчатки слишком тонкие. Они не могли вас защитить.

– Я несколько не пострадала, – запротестовала Александра, стараясь не замечать, какие у него теплые, несмотря на холодный дождь, руки. Какие они большие, особенно в сравнении с ее маленькими и бледными ладошками. Какие у него сильные пальцы. Она была бы беспомощна против такой силы.

Девушка с совершенно ненужной резкостью выдернула руку, сжала кулак и спрятала его в складках юбки.

– Как я уже сказала, я выживу.

– Судя по всему, да.

Не чувствуя больше тепла его рук, Александра сразу задрожала от холода. Тем не менее она заставила себя заглянуть в его глаза. Их цвет завораживал. Ей в голову пришло лишь одно сравнение – цвет молнии. Они были кристально чистыми, прозрачными, с легким синеватым отливом. И в них, как и во всем лице, было что-то зловещее. Наверное, всему виной шрамы.

Самый короткий из них пересекал бровь и терялся где-то на виске. Вероятно, он продолжался и дальше, но его прикрывали темные волосы, мокрые от дождя. Самый длинный шрам пересекал высокую скулу, щеку, роскошные губы и заканчивался где-то в ухоженной бороде.

Роскошные губы? Что это ей в голову взбрело? Александра растерянно моргнула. Потом еще раз. Но ей никак не удавалось отвести взгляд от его рта. У него были удивительно мягкие чувственные губы, которые казались совершенно неуместными на таком брутальном лице. Несоответствие одновременно озадачивало и завораживало.

– Вы можете встать? – Теперь его голос стал ледяным.

Он заметил, как она на него глазееет.

Александра досадливо зажмурилась. Скорее всего, он решил, что его внешность вызывает в ней страх, а не восхищение.

Нет, она вовсе не восхищается им. Или...

Мужчина крепко взял ее за руки и, прежде чем она успела что-то сказать, поднял на ноги. И сразу отпустил.

Александра покачнулась. Или это качнулся мир вокруг нее? Она протянула руку к столбу, чтобы ухватиться за него, но ее рука наткнулась на горячие твердые мышцы под мокрой тканью. Мужчина слегка дернулся от прикосновения ее ладони, словно оно удивило его так же сильно, как ее.

Она отдернула руку и прижала ее к груди. К своей груди. Ее встревожило то, что тепло его тела произвело на нее большее впечатление, чем хотелось бы.

– Прошу прощения. У меня немного кружится голова.

– Вы уверены, что вам не нужен доктор? – Незнакомец сделал шаг вперед и протянул к ней руку, желая поддержать, если она вдруг упадет. Александра совершенно не грациозно отпрянула, можно сказать, отпрыгнула.

– Нет! – Она выставила вперед руку, жестом останавливая его, хотя и понимала, что это бесполезно. Ей все равно не устоять перед ним. – Не надо. Я... я не пострадала. Понимаете? Можете больше не беспокоиться.

Боже правый! Она не могла заставить себя посмотреть на него. Он был слишком большой. И слишком мужественный. Несмотря на правильную речь, он не казался цивилизованным человеком. Наоборот, он мог быть одним из десятков крепких здоровых мужчин, которых ее профессора всегда нанимали для защиты от опасностей в неизведанных странах.

Таких мужчин она уже десять лет избегала всеми силами. Под ее серьезным и суровым взглядом они, как правило, чувствовали себя неуютно и старались убраться подальше. Он действовал на всех, от светских львов до бандитов. Кстати, женщины тоже его не выдерживали, в частности бойкие мамыши, желавшие во что бы то ни стало женить своих великовозрастных сынков. Она отработывала этот взгляд годами и приобрела большой опыт.

Так почему же она никак не может заставить себя поднять глаза на этого человека? Почему не может забыть о тепле его рук? Почему ей все еще трудно дышать?

Быть может, ей на самом деле нужен доктор.

– Я никак не могу решить, вы безрассудно храбры или непроходимо глупы, – буркнул мужчина. Его надменный тон вывел ее из ступора.

Александра взглянула на него уже без всяких страхов. Их победило возмущение.

– Простите?

– О чем вы думали, пытаясь остановить такое гигантское животное, как Меркурий? Вы же видели, что он сделал с тем идиотом-носильщиком, который, кстати, вдвое больше вас. – Незнакомец нахмурился, от чего шрамы на его лице стали глубже.

– Я думала о том, что бедняга Смит может погибнуть, если кто-то не вмешается. – Вспомнив о парнишке, она обернулась туда, где в последний раз видела его лежащим без движения. Несколько человек помогли ему встать. Лицо бедолаги было искажено болью. Он поддерживал одной рукой другую и растерянно озирался. Половину его нарисованных усиков смыл дождь, и стало ясно, что юноша совсем еще ребенок. – С ним все будет в порядке? – спросила Александра, непроизвольно сделав шаг к нему.

– Рядом со станцией живет хирург. Он вправит мальчишке плечо, сделает укол морфина и отправит домой. Вы его знаете?

Александра покачала головой, почувствовав смущение. Она только теперь заметила, что их небольшая группа привлекает всеобщее внимание. Вокруг толпились оставшиеся пассажиры, рабочие, железнодорожные служащие.

– Я впервые увидела его сегодня. Он вынес мой багаж. Но какое это имеет значение? Мне все равно не хотелось, чтобы он пострадал.

Мужчина наклонился, чтобы поднять ее перчатки и свои. Александра решительно отвела глаза, чтобы не смотреть на его спину и бедра. Интересно, обращала ли она когда-нибудь вни-

мание на мужские бедра? Вроде бы нет. Александра с трудом сглотнула и, спохватившись, принялась осматривать свою одежду. Ее некогда белая блузка и бежевый жакет были покрыты грязными пятнами. Пожалуй, их придется выбросить. Юбка пострадала меньше. Во всяком случае, на первый взгляд.

– Лучше он, чем вы.

Рука Александры повисла в воздухе, она так и не проверила, в каком состоянии ее прическа. Что он сказал? Вероятно, она ослышалась.

– Простите?

Мужчина не ответил. Он молча протянул ей ее грязные перчатки. На его челюсти задергалась жилка – нервный тик, – и Александра заметила третий шрам, скрытый темной бородкой.

– Спасибо, сэ.

На нее с мрачным любопытством уставились невероятные глаза мужчины.

– Хотя ваши действия были безрассудными, они спасли положение. Где вы научились обращаться с лошадьми?

Откровенное восхищение, слышавшееся в его голосе, слегка умерило досаду Александры.

– Погонщик верблюдов из Александрии как-то показал мне этот прием на своих животных. Я понятия не имела, что он работает и с лошадьми.

Незнакомец несколько секунд молчал, после чего изумленно повторил:

– Погонщик верблюдов...

Она кивнула и немного оживилась. Воспоминания были приятными.

– В его племени люди навьючивают на верблюда все свои пожитки. Представляете, что может случиться, если животное вдруг надумает проявить характер?

– Да уж. – Его пристальный взгляд нервировал.

– Разумеется, *его* животные намного лучше обучены и воспитаны. – Александра покосилась на Меркурия, который, уже в шорах, переступал с ноги на ногу между четырьмя кобылами.

Губы мужчины – ну почему она не может не смотреть на них? – сделали совсем не то, что она ожидала. Он не улыбнулся. Но в то же время он и не *не* улыбнулся.

Просто его губы слегка приоткрылись и в таком положении застыли.

Александра заколебалась. Она чувствовала, как нечто странное – некое осознание... осведомленность... подобрать нужное слово оказалось невозможно – парит над ними, словно любопытная пчела. Постепенно говор вокруг стих. Мужчина и женщина стояли и смотрели друг на друга в полном молчании.

Быть может, ей следует представиться? Они уже и так нарушили все правила приличия, поскольку разговаривали, не будучи представлены третьим лицом. Хотя, судя по его суконным штанам и испачканной рубашке, этот человек придает мало значения приличиям. Ему это было неинтересно. Похоже, он поленился одеться должным образом перед выходом из дома.

Наконец мужчина нарушил молчание:

– Рад, что вы не пострадали, мисс...

– Лейн. Александра Лейн. – Она хотела было сделать реверанс, но передумала, решив вести себя так, как вела с большинством мужчин любого социального положения, от студентов и заводских рабочих в Америке до каменщиков и профессоров в Каире. Она протянула ему испачканную руку для рукопожатия, усвоив, что современные рабочие предпочитают именно такие приветствия.

Этот мужчина взглянул на ее руку так, словно она сунула ему под нос тухлую рыбину.

Александра заколебалась. Да кто он такой, чтобы вести себя так заносчиво? Не джентльмен, это точно. Какой джентльмен допустит, чтобы его волосы закрывали воротник? Или появится на публике в одной только рубашке? Или отрастит на физиономии что-нибудь более серьезное, чем тонкие усики? И шрамы здесь ни при чем.

Как раз в тот момент, когда Александра решила убрать протянутую руку, он крепко пожал ее. Какая же у него теплая кожа!

Он дважды встряхнул ее руку и отпустил. Александра успела почувствовать на его ладони мозоли. Ей показалось, что от него исходят некие разряды, словно каждый кончик пальца заряжен чувственной энергией.

– Могу я спросить, куда вы направляетесь, мисс Лейн? Или я должен говорить *миссис*? – Его голос неуволимо изменился. Теперь казалось, что он льет мед на острые камни.

– Д-доктор, – выпалила она.

Мышцы на его лице напряглись. Он мгновенно насторожился.

– Вы же сказали, что вам не нужен доктор.

– Нет. Я имела в виду, *доктор* Лейн.

Мужчина вздернул подбородок.

– Женщинам в Англии запрещено работать врачами.

Как будто она могла этого не знать.

– Если вам интересно, я получила степень некоторое время назад в Сорбонне.

– Некоторое время назад? – Казалось, эти слова его позабавили. – Интересно, сколько *веков* прошло с тех пор?

– Это не имеет значения, – сухо проговорила она, понимая, что веснушки и вздернутый носик делают ее на несколько лет моложе ее законных двадцати восьми. – Кроме того, ели хотите знать, я не врач, а доктор археологии. Моя специальность – древние цивилизации.

– Ах, вот откуда знания верблюдов. – Он коснулся кончиком пальца воротника ее жакета. – И твид.

Александра отшатнулась.

– Вы слишком фамильярны, сэр. – Его рука на мгновение зависла в воздухе, после чего медленно опустилась.

– Прошу прощения. – Впрочем, он не казался ни впечатленным, ни склонным осуждать. Да и в его извинении не было ни капли раскаяния. Но Александра чувствовала, что удивила его так же сильно, как он ее шокировал. – В качестве компенсации за ущерб, понесенный вами от моего коня, я был бы счастлив отвезти вас куда угодно в своем экипаже, запряженном четверкой. Или вы кого-то ждете, *доктор* Лейн?

Ненужный акцент на слово *доктор* разозлил Александру. Она взглянула на пыльную рабочую тележку, в которую действительно были запряжены четыре только что прибывшие кобылы. Она явно была прочной, но выглядела очень дешево, тем более в сравнении с роскошными экипажами, увезшими свадебных гостей.

«Экипаж, запряженный четверкой? Довольно наглое заявление».

Она вздернула подбородок.

– Сесил опаздывает, но скоро обязательно приедет.

«Вот так, – подумала она. – Ехал бы ты отсюда». Последнее, к чему она стремилась, это остаться здесь наедине с мужчиной, настолько промокшим, что одежда почти не скрывала его тела, и тот факт, что с него текли ручейки дождевой воды, нисколько не умалял его мужской силы.

Александра чувствовала, что даже маленький пистолет, который всегда был при ней, не остановит мужчину такого размера. Если ему взбредет в голову...

– Как угодно. – Он с трудом натянул мокрые перчатки и отвернулся. – А мне необходимо отвести этого зверя в Редмейн-касл, где его научат вести себя прилично.

Хотелось бы верить, что не этот грубиян будет его учить.

– В Редмейн-касл? Вы там ухаживаете за лошадьми?

Его губы скривились – в улыбке или злобной гримасе, сразу и не разберешь, – и Александре показалось, что под бородой на подбородке появилась ямочка.

– Этим я тоже занимаюсь. И вообще у меня там много обязанностей.

– Тогда не буду вас задерживать. – Александра повернулась к дороге и стала высматривать свой экипаж. Краем глаза она настороженно следила за мужчиной. Она должна быть уверена, что он не подошел ближе.

Мужчина нахмурился. Александре показалось, что он вот-вот скажет какую-нибудь дерзость, но в этот момент между ними вклинилась маленькая девочка. И Александра оказалась в плену избыточных изъятий благодарности.

– Мама сказала, что мы должны вас поблагодарить, – сообщила малышка и обхватила колени спасительницы, прикрытые грязной юбкой. – Вы спасли нас.

– О да, мисс. – К ним, запыхавшись, подошла женщина, прижимавшая к груди младенца. – Вы такая храбрая! Я в жизни не видела ничего подобного. Даже не знаю, как вас благодарить. – Неожиданно в руках Александры оказался ребенок, и у нее привычно заныло сердце. Ей суждено держать на руках только чужих детей.

К благодарной матери присоединились работники станции, носильщики и случайные прохожие, ставшие свидетелями сцены укрощения строптивого коня. Все они наперебой восхищались Александрой, ее смелостью и решительностью.

А Александра не могла отвести глаз от *его* удаляющейся фигуры. Мужчина быстро шел к своей повозке. Словно почувствовав ее взгляд, он замедлил шаг и оглянулся. Даже на расстоянии прозрачная голубизна его глаз поражала. Сейчас они казались почти белыми.

Он кивнул. Она поклонилась в ответ и только теперь сообразила, что не знает его имени.

– Вас спас дьявол, мисс. – Мать настороженно смотрела вслед мужчине. – Ужас Торк-лифа.

– Что?

– Ах, вы, наверное, не знаете. Говорят, его ранил оборотень.

Александре пришлось сделать над собой усилие, чтобы не сморщить нос.

– Это звучит довольно-таки... – «Нелепо. Абсурдно. Глупо». – ...неправдоподобно.

Женщина пожала плечами и погладила щечку ребенка, чувствовавшего себя вполне уютно на руках у Александры. Как приятно было ощущать у своей груди его крохотное тельце!

– Я только знаю, что с тех пор, как он вернулся в Редмейн-касл, туманы стали странными.

Эти слова отвлекли внимание Александры от воркующего младенца.

– Что значит «странными»?

– Как этот. – Она повела руками, указывая на станцию, только начавшую входить в обычный ритм после паники. – Моя бабушка всегда говорила, что животное знает, когда рядом дьявол. Неудивительно, что жеребец испугался. В этих туманах живет опасность. Дьяволы, демоны и прочие адские существа.

– Но вы же не хотите сказать, что этот человек демон? – Александра никогда не была суеверной, но все же ощутила холодок.

Женщина снова пожала плечами.

– Несчастья преследует всех живущих в Редмейн-касле. Поэтому там так много безумцев. – Она махнула рукой в ту сторону, где исчез спаситель Александры. – А Ужас Торквила – особый случай. Говорят, дьявол коснулся его дважды.

Александра вспомнила свои ощущения, когда его руки касались ее тела. Это были очень странные ощущения.

– Ужас Торквила, – задумчиво повторила она. – А дьявола поминать не будем.

Глава 3

Пирс провел полотенцем по волосам и лицу, стирая холодную дождевую воду, и прислонился к двери конюшни. Все это время он не мог не думать о женственных округлостях, которые всего лишь час назад ощупали его руки в поисках переломов. Удивительная женщина с потрясающей фигурой.

Он, наконец, водворил чертова жеребца в стойло и удостоверился, что животное получило сухое одеяло и теплую воду.

Хотя конь этого не заслужил.

Александра Лейн. Он в сотый раз за последние сто минут мысленно произнес это имя – медленно, словно пробуя его на вкус – и с шумом выдохнул.

Александра Лейн. Больше похоже на адрес, чем на имя потрясающей женщины.

Сложно было ожидать, что изгиб бедра или длинные стройные ноги под грудой юбок произведут такое впечатление на столь опытного мужчину, как он, к тому же при поиске переломов костей и ран.

И все же.

Его пальцы непроизвольно вздрагивали всякий раз, когда он вспоминал, как держал ее за руку. Он помнил, какая у нее тонкая талия. На ней не было корсета. Между его ладонями и женской плотью был только мягкий твид.

Александра Лейн. Странное сочетание опыта и невинности. Она беседовала с погонщиками верблюдов и получила докторскую степень в Сорбонне. Но достаточно было одного его прикосновения, чтобы у леди едва не началась истерика.

Она не леди, поправил себя Пирс. Доктор.

Эта чертовка вступила в поединок с его новым жеребцом и победила. Вполне возможно, она спасла несколько жизней, но едва не погибла сама. В мгновение ока она бросилась в бой, забыв об опасности.

Бесстрашная.

Но она отдернула руку, которую он держал, словно обжегшись. И старалась на него не смотреть. Он испугал ее.

Справедливости ради следует отметить, что он пугал всех, знакомых и незнакомых, во всяком случае, пока они не привыкали к его новой, мягко говоря, не самой приятной внешности. Тем не менее в его общении с доктором Лейн присутствовала новая незнакомая нотка, засевавшая в его голове, как навязчивый мотив, который, не успев закончиться, начинается снова, и от него совершенно невозможно избавиться.

Да, он, безусловно, испугал ее. Но...

Она отпрянула от него, это факт. И всячески избегала его прикосновений. Его взгляда. Но говорила с ним уверенно и без страха. И даже втянула его в разговор.

Пирс сказал Александре Лейн больше слов, чем кому-либо другому за последний год.

За те минуты, которые они провели вместе, он не почувствовал в ней отвращения к его уродству. Страх – да, но не отвращение.

На самом деле, ему даже показалось, что в ее глазах цвета выдержанного виски мелькнуло восхищение. Чисто женское восхищение его красивой внешностью, которое преследовало его всю жизнь до *инцидента*.

Но в этом не было никакого смысла.

Опыт Пирса показал, что люди часто испытывают омерзение к тому, чего боятся, и наоборот. Но если она не испытала к нему ничего подобного, то почему испугалась?

Или он ошибся и увидел восхищение там, где его не было? Возможно, его физическая реакция на нее лишила его обычной наблюдательности и воспламенила воображение? Неужели он все придумал?

Очень уж хотелось ему встретить очаровательную женщину, которая ответила бы искренностью на его желание.

Потому что уже прошли века... Или ему так показалось.

Он взглянул на башни Редмейн-касла с откровенной неприязнью и раздраженно отбросил в сторону мокрое полотенце.

Пройдут еще века, прежде чем он получит желаемое. А скорее всего, этого не будет никогда.

Он медленно расстегнул мокрую рубашку. Господи, какая же она холодная! Мокрая и холодная, как серый камень и не знающее жалости море.

Это место. Этот проклятый замок всегда был таким – холодным, пустым, неудобным. С того самого момента, как викинг по имени Магнус Редмейн высадился здесь и объявил Торк-лиф и все окружающие земли своими, здесь ничего не изменилось. Пожалуй, ничто не могло сделать это место гостеприимным.

Пирс обвел глазами свои обширные владения. Земли, принадлежавшие его семье, тянулись по склону холма вниз до коварных красных утесов. Там, в деревушке Мейнмаут-Моор, когда-то жили рыбаки. Теперь там все было перестроено, появились красивые ухоженные коттеджи, и место стало приобретать известность как морской курорт.

«Интересно, где сейчас доктор Лейн», – лениво подумал Пирс. Должно быть, отдыхает в уютном каменном бунгало в компании с не менее эрудированным, чем она, мужчиной. Кажется, она называла его по имени. Сесил?

Повезло парню.

Возможно, они оба склонились над старыми картами и оживленно беседуют о местах раскопок и проклятых гробницах.

Сесил. Он сплюнул. Что за имя? Наверное, у него тонкие аккуратные усики. И непременно очки. Хорошо бы у него еще был горб от вечного сидения над текстами, изнеженные слабые руки и – Пирс погладил свою бородку – безвольный подбородок. По крайней мере, Пирс надеялся, что у этого человека слабые руки или безвольный подбородок, а лучше всего – то и другое вместе.

Пирс представил их в одном из маленьких домиков у пристани, склонившихся над старым письменным столом. Они работали, используя... он не знал, что именно – увеличительные стекла, картографические инструменты, или что-нибудь в этом роде. Но вот Сесил совершил глупую ошибку. Александра подняла голову и рассмеялась. Ее глаза вспыхнули весельем, улыбка осветила красивое лицо. Потом они будут ужинать. И выпьют хереса или бренди.

Губы Пирса скривились, сделав заметнее шрам – болезненное напоминание о том, что такие женщины, как Александра Лейн, предпочитают академических слабаков вроде Сесила бездушным охотникам, как он. И, разумеется, такая женщина выберет уютный небольшой домик, а не проклятую каменную громаду – Редмейн-касл, где обитают чудовища.

Почему именно сейчас, в бурю, он стал размышлять о другой судьбе? Быть может, он рожден для иного?

Неожиданно видение коттеджа у пристани неуловимо изменилось. Теперь за столом сидел не старина Сесил.

Вот в дверь вошла доктор Лейн. Она поприветствовала Пирса нежным поцелуем и принялась оживленно рассказывать о сбежавшем жеребце. Прежде чем разложить карты и увеличительные стекла, он зажжет свечи и тщательно осмотрит ее в поисках синяков и ссадин. Он снимет с нее испачканную одежду и усадит в ванну, чтобы прогнать холод из ее тела. Потом

он уложит ее на шаткую медную кровать, которая безбожно скрипит, и покажет, как рад ее возвращению домой.

Он накормит ее и станет слушать ее восторженный рассказ о чертовом Борнео... или откуда там она вернулась.

Возможно, в такой жизни он найдет смысл и удовлетворение, и, изучая кости мертвых, сам станет по-настоящему живым. Почему нет? А Сесил пусть остается здесь, в Редмейн-касле, и присматривает за чудовищами.

Ослепительная молния осветила небо, в котором отразился бушующий океан. И созданная им идиллическая картина жизни, которой у него никогда не будет, поблекла и исчезла.

Интересно, когда у него появилась склонность к отвратительной сентиментальности?

Пирс слишком долго всматривался во мрак бури и совсем замерз. Он видел, как окна коттеджей в Мейнмаут-Моор темнели. Их обитатели ложились спать.

Лучше бы ему больше не встречаться с Александрой Лейн. Странные желания, которые она в нем пробудила, сбивали с толку и угнетали. Ему слишком многое предстоит сделать. Да и о зверях следует подумать. И в замке, и за его пределами.

Пусть лучше она живет затворницей в своем коттедже у моря. А когда у него будет время, он навестит ее.

Александра еще раз обеими руками поворошила волосы и решила, что они уже высохли.

Она оглядела комнату Сесилии, оформленную в золотистых и зеленоватых тонах, и задумалась об истории, которой буквально дышали эти стены. Франческа будет рада стать ее частью... Или ей все равно. Графиня – будущая герцогиня – больше заинтересуется размером конюшен, чем состоянием старинных гобеленов.

Пусть Редмейн-касл – очень старый замок, но он не холодный и находится в отличном состоянии. Здесь повсюду каминные, есть даже очень большие. В них при необходимости можно сжечь еретика. Или двух.

Прижав ладони к горящим щекам, Александра подумала, что на ней слишком много лишней одежды. Жарко.

Ее внимание привлекли древние ставни, висевшие на железных петлях. Они надежно защищают помещения от непогоды. Или защищали, до того как теперешний умный герцог вставил новые прочные окна в старые оконные коробки.

Она бы предпочла, чтобы в помещении было прохладно. Тогда она могла бы оставить всю одежду на себе. Александра всегда чувствовала себя комфортнее, когда на ней было много одежды.

– Я хочу открыть окно. Здесь слишком жарко и душно, – сказала она Сесилии, которая умывалась в ванной.

– Отличная идея, старина, – ответила подруга. Судя по булькающим звукам, сопровождавшим ее слова, она как раз чистила зубы.

Александра улыбнулась, подошла к окну, откинула шпингалет и распахнула ставни.

Бедная Сесилия была безутешна из-за своего опоздания. Она всю дорогу извинялась, отчетливо понимая, что, прибудь она вовремя, Александра могла бы избежать встречи с буйным жеребцом. И с...

Александра разинула рот.

И с *кучером*.

Тем самым, который сейчас стоял у распахнутых дверей конюшни, явно о чем-то задумавшись.

Ужас Торклифа.

Она инстинктивно отпрянула от окна, чтобы он ее не заметил, но сразу поняла, что он смотрит не на замок, а на деревню у пристани или казавшуюся черной морскую гладь за ней.

Разумеется, он еще был в конюшне. Следовало устроить на ночь новых лошадей и обработать раны буйного жеребца, полученные им во время происшествия на железнодорожной станции.

Александра не видела черт лица мужчины из-за довольно большого расстояния, темноты и непогоды, но она не сомневалась: это он. Она последние годы много путешествовала, но ни разу не встречала мужчину таких размеров. Возможно, она видела подобные скульптуры из камня и мрамора, но не живых людей.

Когда они встретились на станции, его волосы промокли, с них на лицо, плечи и спину стекала дождевая вода. Теперь они торчали во все стороны, словно он пытался сушить их полотенцем, но потом забыл причесаться.

Что он там высматривает? Александра окинула взглядом маленькую живописную деревушку, пристань, городок, словно прильнувший к скале. Вид был прекрасный, но ее взгляд сразу вернулся к замершей на пороге конюшни фигуре мужчины. Пошевелился ли он? Видит ли он ее?

Скорее всего, нет. В комнатах Сесилии царил полумрак, и окна круглой башенки, в которую их поселили, выходили, скорее, на море, чем на двор и конюшню. Если бы она не высунулась из окна, навалившись на подоконник, она бы его не заметила.

Мужчина быстрыми и нетерпеливыми движениями снял рубашку и отшвырнул ее в сторону. Александра прижала ладонь ко рту. Потом к глазам. И снова ко рту. Даже на таком расстоянии она отчетливо видела его широкую спину и плечи, сильные упругие мышцы.

Завороженная зрелищем, Александра забыла, что надо моргать, и очнулась от жжения в глазах.

«Зачем он разделся? Может быть, чтобы обратиться в другое существо?»

Нелепая мысль разозлила ее. Александра моментально устыдилась. Что за глупость! Оборотней не существует! Ей приходилось много слышать о проклятиях, вселившихся демонах, дьяволах, предрассудках всякого рода, духах и божествах. Все их можно было объяснить с научной точки зрения. Или нельзя? Нет, разумеется, можно, а тем, кто этого не понимает, стоит посочувствовать.

Ей приходилось видеть немало обнаженных до пояса мужчин. Рабочие в Каире. Представители африканских племен, живших к югу от Сахары. Даже индейцы в Америке.

Только она никогда не уделяла им внимания. Не думала о них. На самом деле, она старалась не замечать мужскую плоть. Ее интересовали исключительно кости. Кости давно умерших людей.

Мертвые не могут причинить вред. У мертвых нет того, что делает мужчин опасными. Все то, чем они обладали при жизни, обратилось в прах. Сила, кровь, мышцы, плоть... половые органы. Все это давно распалось. Осталась только история.

Но мужчина, стоявший сейчас под фонарем в дверях конюшни, приковывал к себе ее внимание помимо воли. Несмотря на ее страх и здравый смысл.

Он был сложен так, словно бросал вызов богам. Казалось невероятным, что это великолепное тело когда-нибудь превратится в груды костей.

Кому нужны такие избыточные мускулы?

Человеку, который объезжает коней, весящих в пять раз больше, чем он сам, ответила Александра на собственный вопрос.

Охотнику.

Александра зажмурилась, постаравшись избавиться от ненужных мыслей. Возможно, этот идиот вступил в поединок с медведем, или сделал что-то иное столь же нелепое. Все мужчины испорчены и склонны к бессмысленным поступкам.

Лучшей уж ей на него не смотреть. Лучше не *наслаждаться* тем, что она видит. Потому что этот мужчина легко может украсть у нее то, что она всеми силами старалась обрести последние десять лет.

Ее достоинство. Ее рассудок. Ее тело.

– Чудесный вид, правда?

Оказалось, что Сесилия подошла и стоит рядом. Александра вздрогнула и мысленно призвала себя к порядку.

– Да, вид на море завораживает. Его нельзя сравнить ни с чем, – сказала она.

– Я, вообще-то, не о пейзаже говорила. – Сесилия протерла очки отворотом халата, вернула их на переносицу и мотнула головой в сторону конюшни. – Здесь, на пасторальном юге, похоже, выращивают другую породу мужчин. Ты со мной согласна?

– Я не заметила. – Александра отвернулась от окна.

Краем зрения она поймала жалостливый взгляд Сесилии и поспешила улыбнуться. Правда, улыбка получилась немного неестественной.

Сесилия с юности обладала статной величественной осанкой. Казалось, она не ходила, а плыла. Ее красивый халат из ярко-красного сияющего шелка чуть слышно шуршал при ходьбе.

– Как ты думаешь, что задержало Фрэнка? Я умираю от желания ее увидеть.

Александра взглянула на дверь.

– Понятия не имею. Возможно, ее жених.

– Жених... – Сесилия озабоченно нахмурилась. – Тебе не кажется странным, что она никогда не упоминала о своей помолвке с герцогом?

Александра тоже об этом думала.

– Трудно сказать. Появится – спросим.

– Возможно... – Сесилия опустила на краешек стоящего у камина стула. Ее волосы были такого же цвета, как пляшущее в очаге пламя.

– Я не хочу думать о ней плохо, но... возможно, она просто не захотела нам говорить? Из-за той клятвы никогда не выходить замуж, которую мы когда-то дали?

Александра обдумала такую возможность и покачала головой.

– Это не похоже на Франческу. Она не склонна держать язык за зубами.

– Да, но за последние годы мы все научились хранить тайны.

«Моя вина». К грузу, с которым постоянно жила Александра, добавился еще один камень. У нее подогнулись колени, и она почти рухнула на стул напротив Сесилии.

Существовала реальная опасность того, что их тайна вскоре перестанет быть тайной, и ей придется рассказать об этом своим сообщникам. Десять долгих лет она старательно ограждала подруг от прошлого, но теперь...

Сесилия продолжила говорить, оставаясь в счастливом неведении о безрадостных мыслях Александры:

– Если Франческа не хочет выходить замуж за этого Редмейна, почему бы просто не разорвать помолвку? Зачем нужен маскарад? И что означает ее просьба о помощи? Она попала в ловушку. Я это чувствую.

Александра снова ощутила укол вины – в последнее время она была слишком занята собственными проблемами. Порывисто схватив Сесилию за руку, она заявила:

– Если она в опасности, мы сделаем все от нас зависящее, чтобы ей помочь. – Она говорила с уверенностью, которой не чувствовала.

– Разумеется, – невозмутимо ответствовала Сесилия. – Мы справлялись и не с такими демонами, как этот герцог Редмейн.

Сесилия всегда отличалась проницательностью, вот и теперь устремила на подругу внимательный взгляд и спросила:

– Александра, ты уверена, что с тобой все в порядке?

Хороший вопрос для женщины, пережившей то, что она. Даже после стольких лет. «С тобой все в порядке?»

И ответ на него может быть только один: нет.

С ней не все в порядке уже больше десяти лет. Она пришла в себя. Обрела цель в жизни. Она удовлетворена, хотя и не счастлива. И многого достигла. Можно ли это назвать «*все в порядке*»?

На самом деле, годы смягчили боль. Она стала лучше спать, да и кошмары снились реже. Чувство стыда теперь беспокоило все меньше, и между моментами, когда воспоминания заставляли ее рыдать и яростно скрести свое тело в обжигающе горячей воде, стало проходить все больше дней. Приложив титанические усилия, Александра сумела построить свою жизнь, в которой были цель и страстное увлечение, – работой, конечно. Но она неизменно стремилась к одиночеству и сохраняла лишь горячую преданность двум необыкновенным женщинам, с которыми ее свела судьба в юности и которых она любила больше всех на свете. Она любила только их, и больше никого.

Ведь одиночество безопаснее, чем любовь.

И все прошедшие десять лет на традиционный вопрос, все ли с ней в порядке, Александра с улыбкой отвечала: «Да, со мной все в полном порядке». И каждый раз при этом лгала все меньше.

Но сегодня она не могла дать такой ответ. Потому что порядка не было и близко. А когда подруги услышат ее новости... Что ж, возможно, сейчас самое время раскрыть карты.

– Сесилия, я...

Дверь распахнулась, и в комнату ворвалась рыже-черная молния. Затем дверь так же быстро захлопнулась.

Франческа никогда не имела привычки стучать.

– Боже, как же я рада вас видеть!

Подруги крепко обнялись.

– Что случилось, Фрэнк?

Выражение изумрудных глаз Франчески казалось серьезным и торжественным, что было не вполне для нее типично.

– Вы должны помочь мне найти доказательства того, что семья герцога Редмейна убила моих родителей, – прошептала она. – Если кто-то из них узнает, кто я на самом деле, я буду следующей жертвой.

Глава 4

Потрясенная Александра смотрела на подругу, не в силах произнести ни слова.

Графине Мон-Клэр всегда была чужда серьезность, поэтому видеть ее прелестное личико с прозрачной фарфоровой кожей таким напряженным было странно и тревожно. Она с ранней юности обладала хрупким телосложением, но теперь ее высокие скулы стали более выраженными, а щеки даже слегка ввалились. Создавалось впечатление, что она уже давно ничего не ест.

На фоне черного платья ее лицо казалось бледным до синевы, а рыжие волосы – огненными.

– Я не знаю, что делать.

– Давайте присядем. – Сесилия взяла одну руку Франчески, Александра – другую, и они повели расстроенную подругу к маленькому диванчику у камина. – Хочешь чаю?

– Я говорю, что моя жизнь в опасности, а ты предлагаешь мне чай? – Франческа уставилась на Сесилию как на безумную.

Нисколько не смущенная, Сесилия убедилась, что подруги удобно устроились, после чего подошла к буфету и приготовила три чашки.

– Должна ли я понимать, что ты отказываешься? – Она осторожно налила чай через ситечко в каждую чашку, после чего потянулась к сахарнице.

Франческа возмущенно фыркнула и пробормотала:

– Три кусочка.

Сесилия уже положила три кусочка сахара в первую чашку, два – в чашку, предназначенную для Александры, и один в свою. Так они готовили чай уже пятнадцать лет.

Она поставила чашки на блюдца, раздала подругам, после чего села рядом и поправила очки.

– А теперь давайте послушаем, в какие неприятности ты впуталась.

Оказавшись в компании верных подруг, Франческа как-то сразу лишилась уверенности. Она обмякла и ссутулилась над своей чашкой, словно бродяга над огнем в ненастную зимнюю ночь.

– Даже не знаю, с чего начать, – устало проговорила она. – Я ни на минуту не сомкнула глаз за все три дня, что провела в Редмейн-касле.

– Почему мы все здесь, Фрэнк? – спросила Александра, сделав осторожный глоток – чай оказался обжигающе горячим. – Не могу поверить, что ты собралась замуж. И за кого? За человека, которого подозреваешь в убийстве?

Руки Франчески задрожали, и она поставила чашку, так и не притронувшись к чаю.

– Я ничего не знала о контракте, пока Редмейн не вызвал меня.

– Вызвал тебя? – недоверчиво переспросила Александра. Она не могла себе представить, чтобы упрямая непокорная Франческа подчинилась вызову.

– Я могла отказаться, – призналась подруга. – Но мне нужно было найти способ проникнуть в замок. Как еще я могу удостовериться в виновности его семьи?

– Что заставляет тебя думать, что они виновны? – Сесилия допила чай и налила себе вторую порцию.

– Дело в том, что, ознакомившись с контрактом, я не могла не обратить внимания на одну особенность.

– Какую? – Александра прикусила нижнюю губу.

– Контракт был подписан как раз накануне бойни в Мон-Клэр, – выпалила Франческа.

Склонная к скептицизму Александра поинтересовалась:

– А другие свидетельства против них есть? Да, совпадение по времени весьма подозрительно, я согласна. Но это еще ни о чем не говорит.

Франческа тряхнула головой и тяжело вздохнула.

– Каждую ночь я со всей тщательностью обыскивала замок, рылась в самых разных документах и исторических текстах. Я просмотрела даже дневники и бухгалтерские книги покойного герцога Редмейна. Признаюсь честно, я практически ничего не нашла. Но потом я сообразила, что речь может идти не об этом Редмейне.

– Ты имеешь в виду, что это сделал не твой жених? – Сесилия произвела в уме нехитрые подсчеты. – Естественно. Ему было двенадцать лет или около того, когда убили твою семью.

Франческа оживилась и, подавшись вперед, объявила:

– У его матери, Гвинет, был сын от первого брака, которого Редмейн усыновил, но он не мог стать наследником герцогского титула. Первый муж Гвинет – шотландец. Как выяснилось, он тоже был среди наследников титула Мон-Клэр. Мне осталось только узнать, наследником какой очереди он был, ну и установить наличие преступного умысла с ее стороны.

– Или со стороны ее сына, – добавила Александра. – А где он сейчас? И кто он? Вероятно, мне надо было уделять больше внимания высшему обществу.

Франческа довольно улыбнулась.

– Он заседает в Суде королевской скамьи, как судья Высокого суда.

Сесилия ахнула.

– Ты имеешь в виду...

– Да. Судья высокого суда, по слухам, станет следующим лордом-канцлером. Это сэра Кассиуса Рамзи.

– Я слышала о нем. – Сесилия скорчила гримасу и поставила чашку. – Говорят, он – сущий дьявол во плоти. Жестокий безжалостный моралист.

Франческа вздрогнула.

– Звучит ужасно.

Сесилия согласно кивнула.

– Все известные мне викарии намерены голосовать за него, – сообщила она. – Это говорит о многом.

Разумеется.

– У Рамзи будет больше шансов стать канцлером, если он унаследует графский титул, – задумчиво сказала Александра.

– В этом все и дело. – Глаза Франчески вспыхнули презрением.

– Это мотив, – заключила Сесилия.

Александра подошла к буфету и налила себе и подругам бренди. Она решила, что этой ночью им потребуется более крепкий напиток, чем чай.

Худшее было еще впереди. Ей предстояло поведать подругам о шантажисте.

Франческа нахмурилась, пребывая в нерешительности.

– Во время нападения Рамзи было семнадцать. Почти восемнадцать. Иными словами, он был достаточно взрослым, чтобы совершить убийство, но я не уверена, мог ли он в этом возрасте строить такие далеко идущие планы.

– Остается вопрос: почему по прошествии столь долгого времени тебя призвали сюда, чтобы ты вышла замуж за его младшего брата? Редмейн действительно хочет на тебе жениться? Или Рамзи устроил все это, чтобы заманить тебя сюда и ликвидировать последний побег на семейном древе Кавендишей?

– Единственный способ выяснить это – найти свидетельства, – задумчиво сказала Сесилия, заплетая косу. – Ты правильно сделала, позвав нас сюда.

– У нас все получится. – Александра передала подругам бокалы, и они чокнулись. – Ты не останешься в одиночестве, пока мы не раскроем тайну и не найдем преступника.

– А ты не допускаешь мысли, что герцог Редмейн увлечен тобой и хочет, чтобы ты стала его герцогиней? – спросила Сесилия.

Александра улыбнулась. Железная логика Сесилии нередко вступала в противоречие с ее добротой и романтической наивностью. Она сама могла быть только доброй и честной, и потому ей претила мысль о жестокости других.

На лице Франческа появилась гримаса отвращения.

– Я нравлюсь этому человеку не больше, чем прыщ на заднице, поэтому мне крайне подозрительны его мотивы. Зачем ждать, когда я стану старой девой, прежде чем вести меня к алтарю?

Хороший вопрос, признала Александра.

– Какой он?

Франческа щелкнула языком.

– Он несколько не похож на джентльмена, занимающего такое высокое положение. Его больше заботит охота, лошади и собаки, чем герцогский титул.

– Я бы сказала, что тебе это должно нравиться. Ты ведь тоже любишь охоту и лошадей. Возможно... и собак. Собак все любят. Он красив?

Франческа пожала плечами и сделала большой глоток бренди.

– Возможно, когда-то и был красив, но сейчас даже не знаю, кому он может понравиться. Большой мрачный волосатый тип. Я его видела лишь мельком. Он одевается, как варвар, и все время куда-то спешит. – Она поморщилась. – Завтра вы его увидите и сами убедитесь, что мы совершенно не подходим друг другу. Если бы мы поженились, наша жизнь превратилась бы в непрерывную череду бессмысленных битв: он бы пытался поставить меня на место, а я – придушить его во сне. Нет, я не смогу выйти за него.

– Тебе и не придется, – успокоила ее Александра. – Мы поможем тебе выпутаться из этой ситуации. Даже не сомневайся.

– Для начала нам надо найти способ проникнуть в запертые комнаты герцогини, – сказала Сесилия. – Желательно сделать это за два дня, оставшиеся до маскарада. Лучше решить все проблемы до того, как о твоей помолвке с герцогом будет объявлено официально.

– Согласна, – вздохнула Александра. – Но как мы это сделаем?

– Завтра утром Редмейн и я встречаемся в его кабинете с поверенными, – сообщила Франческа. – Я подсмотрела, что Редмейн хранит ключи там – в шкапулке. Я смогу незаметно их вытащить, и мы проникнем в семейное крыло замка во время маскарада.

– Мне кажется – это слишком большой риск. Тебе же придется выкрасть ключи, можно сказать, у него из-под носа, – засомневалась Александра.

– Ты забываешь, что до того, как стать леди, я была цыганкой. Мелкие кражи даются мне куда лучше, чем французский язык. – Франческа задорно улыбнулась и показала Александре ее браслет, пропажи которого та даже не заметила.

– Я понятия не имела, что у тебя это так здорово получается! – воскликнула Сесилия и захлопала в ладоши, а Александра протянула руку, чтобы подруга могла застегнуть на ее запястье золотую цепочку.

Сесилия зевнула и потянулась всем своим великолепным телом, словно ленивая кошечка. Александра усомнилась в том, что мужчины, с которыми подруга училась, думали о математических формулах, когда видели ее формы.

– А я-то понадеялась, что ты по-настоящему влюбилась, несмотря на нашу давнюю клятву. Мне бы хотелось стать тетей Сесилией. – Она улыбнулась. – Или дядей Сесилом.

– Только не в Редмейна. – Франческа фыркнула. – Они все напрочь лишены элегантности. Дикари-викинги, у которых больше жестокости, чем мозгов.

– Да, но мы смогли бы укротить их. – Глаза Сесилии смеялись.

– Ты можешь представить меня с выводком? – По телу Франчески пробежала дрожь. – Нет уж, лучше я останусь старой девой до самой смерти.

Смех подруг согрел измученную душу Александры.

Завтра, решила она. С неприятностями нужно разбираться по очереди, а не со всеми одновременно. Завтра она откроет подругам свою страшную тайну. Франческа сказала «до самой смерти». А ведь она может прийти намного раньше, чем все они думают.

Чтобы унять безотчетное беспокойство, Пирс сбежал из дома, полного гостей, и направил Меркурия в сторону Мейнмаут-Моор. Он выехал из конюшни легким галопом, чтобы конь успел разогреться перед серьезной скачкой. Повернув направо, он быстро добрался бы до деревни. Поэтому Пирс повернул налево, к развалинам старой крепости на краю Торклифа. До нее было всего около мили по пологим склонам холмов, а уж оттуда он мог пустить Меркурия галопом через пустошь Долиш-Моор.

Обогнув лес, он избежит встречи с группой охотников, которая выехала еще до рассвета.

Из-под копыт Меркурия летела роса, покрывавшая клевер и густую траву. Конь уверенно бежал вдоль прибрежных скал к краю Торклифа. Впереди уже показались руины крепости, медленно, но неуклонно разрушавшейся и отдававшей темные камни голодному морю.

Она была напоминанием о времени, когда на этих берегах высаживались сильные алчные люди, жаждавшие добычи. Так было до тех самых пор, пока одно семейство не оказалось достаточно сильным, чтобы остановить их. Волны врагов и мародеров разбились о могущество Редмейнов.

Приблизившись, Пирс заметил движение среди камней. Заинтересовавшись, он спешил и стал подниматься по старой наполовину обвалившейся лестнице в башню крепости, где не было крыши – одно только небо над головой.

Кто мог забрести сюда в такой ранний час? Наверняка не охотники. Они едва ли выйдут из леса, расположенного на другой стороне Тормунд-блафф.

На старом крепостном дворе Пирс с удивлением заметил мелькание цветных пятен. Приблизившись, он увидел трех молодых женщин, резвившихся, словно школьницы. Услышав оживленное восклицание, Пирс ощутил сильное возбуждение. Он узнал этот голос.

– Вы только посмотрите на это место! Ему не меньше тысячи лет. Мне не терпится начать раскопки и понять, какие тайны здесь хранятся.

Александра Лейн.

Увидев ее, Пирс споткнулся и едва не свалился со ступенек.

А от звука ее веселого смеха у него перехватило дыхание.

А когда она заметила его, в ее глазах появилось что-то жаркое и виноватое, и сердце Пирса пропустило один удар.

Что она с ним делает?

Воздух между ними сгустился, словно напитавшись электричеством. Того и гляди полетят молнии.

Александра попятилась к своим спутницам и отвлекла их от изучения гнезда, которое птица свила в остатках амбразуры.

Пирс не узнал леди Франческу Кавендиш, пока не присоединился к дамам на крепостном дворе, теперь превратившемся в просторную лужайку.

– Ваша светлость, – приветствовала его графиня. – Я думала, что до назначенного вами времени нашей встречи еще несколько часов.

– Леди. – Он поклонился.

Каштановые брови Александры сошлись на переносице. Она выглядела одновременно потрясенной и обеспокоенной.

– Ваша светлость?

Их взгляды на мгновение встретились, но тут они оба заметили блеск металла за старой решеткой. Движение руки. Щелчок взводимого курка, который ни с чем не спутаешь.

– Ложись! – рявкнул Пирс.

Александра метнулась к двум другим женщинам, повалила их на землю и прикрыла собой как раз в тот момент, когда грянул выстрел, вполне созвучный ружейным выстрелам, гремевшим вдали. Большинство гостей уже проснулись и стреляли фазанов в соседнем лесу.

Идеальное время для убийства.

Женщины не пострадали. Они вскочили и бросились в укрытие. Когда-то там была старая ружейная, но теперь от нее осталась только стена, увитая плющом.

А Пирс бросился на стрелка и выбил у него из рук ружье раньше, чем отзвучало эхо выстрела.

Вероятно, в излишнем насилии не было необходимости, но Пирс не мог заставить себя остановиться, и его кулак снова и снова врезался в физиономию нападавшего, разрывая плоть, сокрушая кости.

«Конечно, есть еще секс», – подумал он. Но ни одна любовница или даже самая умелая шлюха не могла дать такой полной, чистой и всеобъемлющей разрядки, как нанесение заслуженных ударов обидчику.

Сила. Физическая сила сейчас была на его стороне. Сила давала власть. Он сам *стал* воплощением силы и власти. Всем своим существом он ощущал силу. Первобытную и могучую. Ему не надо было призывать ее на помощь или бежать от нее. Она жила в нем, став его неотъемлемой частью.

Сила наполнила его тело и руководила каждым его движением. Она растеклась по мускулам, появившимся у него во время путешествий по странам, где окружающая среда была так же враждебна и опасна, как местное население и львы.

И почти так же смертельно опасна, как он.

Почти.

Здесь, под сенью каменной громады замка, было легко забыть, *какая* сила ему подвластна.

– Там на холме еще один! – услышал он женский крик.

Пирс развернул стрелка, превратив его в живой щит, и наклонился, чтобы подобрать пистолет, брошенный его жертвой. Он заметил фигуру на холме, прицелился и выстрелил.

Человек закричал. Прежде чем он упал на землю, в него попало еще две пули.

Пирс швырнул свой живой щит на землю и направил на избитого им человека дымящийся пистолет.

– Говори, кто тебя послал, пока я не отправил тебя в ад, – потребовал он и стиснул зубы. Гнев бушевал в нем, кровь кипела, глаза застилала красная пелена.

В ответ он услышал лишь невнятное бульканье.

– Похоже, вы сломали ему челюсть, – громко и совершенно невозмутимо сообщила Франческа, заставив Пирса резко обернуться. – Сейчас он вам ничего не скажет, даже если захочет. Хотя нам повезло, что вы случайно наткнулись на нас. Если это действительно была случайность.

Сначала Пирс подумал, что это красная пелена в глазах – частая спутница насилия – придала трем женщинам, стоявшим перед ним, такое ослепительное величие. Но решил на всякий случай убедиться. Да, камни под его ногами серые, а мох, пробивавшийся между ними, коричневый, оливковый и бурый. Ветер с океана шевелит зеленую траву, а небо над головами ярко-синее.

Нет, с его зрением все в порядке. Просто женщины, стоящие перед ним, удивительно яркие, эффектные, живые. Они... потрясающие.

Измумительные рыжие красотки. Все три.

Пирс посмотрел мимо леди Франчески на Александру, на ее гибкое тело. Он отчетливо помнил, как только вчера этого тела касались его руки.

Она стояла, сжав кулаки и опустив руки. Ее глаза казались совершенно круглыми. На ней был женский эквивалент мужского костюма – темно-синяя юбка, закрытая блузка, шелковый галстук, отделанный кружевами, и облегающий фигуру жилет.

Странно, но ему внезапно захотелось сорвать с нее все эти чопорные одежды, хотя бы для того, чтобы удостовериться в отсутствии ран, если уж не акцентировать внимание на всем остальном.

Ее грудь часто поднималась и опускалась – дыхание было более быстрым, чем у ее спутниц, а глаза в утреннем свете казались золотистыми.

Пирс сказал себе, что возбуждение, которое он почувствовал, вызвано насилием. Ему пришлось повторить это себе дважды, прежде чем он отважился заговорить.

– Вы не пострадали? – спросил он.

Лицо Александры было серым, даже губы лишились сочного цвета, который так понравился ему накануне.

Франческа холодно улыбнулась.

– С нами все в порядке, ваша светлость, не беспокойтесь.

Пирс напомнил себе, что этот вопрос следовало адресовать всем трем дамам, и в первую очередь графине Мон-Клэр.

– Франческа... – Александра не закончила вопрос, не в силах отвести глаз от его окровавленных костяшек пальцев, которые уже наверняка начали немилосердно болеть.

– Ах да. – Франческа подошла ближе, окинула взглядом окровавленного мужчину, корчившегося в пыли, после чего подняла глаза на герцога. – Леди, позвольте вам представить его светлость Пирса Гедрика Атертона, герцога Редмейна, моего жениха.

Глава 5

Пирс заметил, как три дамы многозначительно переглянулись. Он не понял, в чем дело, и это ему категорически не понравилось.

– Ваша светлость... – Франческа продолжила их знакомить с полной невозмутимостью, словно они не стояли над лежащим на земле избитым человеком, только что пытавшимся их убить. – Позвольте вам представить моих лучших подруг, будущих подружек невесты, мисс Сесилию Тиг из Лондона и леди Александру Лейн, дочь графа Бентама.

– Рада знакомству, ваша светлость. – Мисс Тиг расправила лавандовые юбки и присела в изящном реверансе. Ее очки, как успел заметить герцог, скрывали самые потрясающие голубые глаза, которые ему когда-либо доводилось видеть. Причем дело было не только в удивительной голубизне, но и в том, что они светились умом.

Весьма ощутимый тычок локтем в бок от Сесилии вывел Александру из ступора, и она совершила некое телодвижение, которое Пирс мог посчитать реверансом, только если у него было увеличительное стекло.

Его многословие, вероятнее всего, стало результатом насилия, от которого его кровь все еще продолжала кипеть.

– Мы удивительно скоро встретились с вами снова, доктор Лейн. – Он смотрел на нее со всей надменностью, на которую был способен. – Или я должен говорить «*леди Александра*»?

Франческа, нахмурившись, переводила глаза с жениха на подругу и обратно. В конце концов, она скрестила руки на груди, затянутой в такой яркий розовый шелк, что на него было больно смотреть. На любой другой женщине этот цвет показался бы уродливым. Но этой он, безусловно, шел.

– Кажется, вы уже знакомы. – Франческа прищурилась, глядя на Александру. Пирс не заметил в ее взгляде ни злобы, ни ревности – только любопытство.

– Ну... я... нет? – пробормотала Александра.

– Это вопрос? – усмехнулась Франческа. – Ты могла бы упомянуть о вашем знакомстве еще вчера.

Чувственный рот леди Александры несколько секунд открывался и снова закрывался. Совершенно беззвучно. А мисс Тиг наклонилась к лежавшему в пыли человеку, который начал подавать признаки жизни и громко стонал.

– Мне кажется, ему больно, – сообщила она. – Может быть, мы должны оказать ему помощь?

Франческа повернулась к ней.

– Послушай, Сесилия, этот человек только что пытался убить одного из нас. Пусть страдает. Сам виноват.

Да, его будущая жена – решительная и в высшей степени уверенная в себе женщина, понял Пирс.

Господи, они же сделают друг друга несчастными! Не то чтобы он не был с ней согласен по данному вопросу. Просто решительность и уверенность в себе – их общая черта. И если они оба будут жить в Редмейн-касле и каждый станет настаивать на своем, кто сохранит мир?

Это еще в случае, если она не заметит, что он не может отвести глаз от ее лучшей подруги.

– Я хотел бы понять, кому из вас предназначалась пуля. – Пирс, наконец, сумел отвести взгляд от Александры и уставился на стрелка. – Кто-нибудь из вас его знает?

Сесилия и Александра несколько секунд рассматривали окровавленного мужчину, после чего обе отрицательно покачали головами и повернулись в Франческе. Та побледнела.

– Я никогда в жизни его не видела, – сообщила она, пожалуй, слишком поспешно. – Хотя нам всем следует посмотреть на того человека, что на холме. Может быть, тогда что-нибудь прояснится?

– Правильно, дорогая, – согласилась Сесилия. – Думаю, нам лучше пойти вокруг – сначала к деревьям, а потом вдоль них. Так мы убедимся, что больше нас никто не поджидает, а заодно и не будем слишком уж легкой мишенью.

– Ты права. – Франческа подхватила юбки и переступила через стонущего человека, словно через кучу мусора. – Так и сделаем.

Пирс сжал кулаки. Ему хотелось ушипнуть себя и убедиться, что он не спит.

Что это за женщины? Где слезы, драматические восклицания и театральные обмороки? Могли бы хотя бы высказать толику восхищения его героическим поведением.

Сесилия последовала за его невестой. Она грациозно перепрыгнула через лежащего мужчину, от чего ее внушительные груди зазывно колыхнулись – не заметить это мог разве что слепой.

– Мы должны связаться с властями сразу или после...

– Я понятия не имела, что он герцог, – выпалила Александра. Она осталась на том же месте, где все они стояли, поднявшись на ноги после нападения. Она тяжело дышала и часто моргала, явно пребывая в состоянии шока. – Я бы сказала, если бы знала. Я думала, он конюх, который сопровождал сбежавшего жеребца. Вот этого. – Она махнула рукой в сторону Меркурия.

Сесилия живо заинтересовалась.

– Значит, это тот самый мужчина, которого мы рассматривали прошлой ночью? Конечно, я должна была догадаться хотя бы по ширине его плеч.

Пирс вздрогнул. «Тот мужчина, которого они... что?»

Мысль о том, что Александра видела, как он снимает рубашку и отбрасывает ее в сторону, не помогла успокоить пожар, все еще бушевавший в крови.

Интересно, ей понравилось увиденное?

– Да, – подтвердила она.

«Да?»

– Да, это он. – Александра обернулась к Пирсу и устремила на него обвиняющий, можно сказать, прокурорский взгляд. – Вы же сказали, что ухаживаете за животными в Редмейн-касле.

– Так и есть. – Он ткнул стонущего мужчину носком сапога. – Разве не сказал Александр Великий, что внутри каждого человека живет зверь?

– Это сказал Фридрих Великий, – поправила его Александра, кажется, совершенно машинально, даже не заметив, что сделала это. – Пусть эта цитата кажется уместной, но все же...

– Между прочим, – вмешалась Франческа, – «звери» возвращаются и вот-вот наткнутся на мертвеца.

Шумная толпа людей с ружьями и в шерстяных куртках шла по высокой траве на гребне холма в какой-то сотне ярдов от места, где лежал подстреленный Пирсом стрелок.

– Какого черта они здесь делают? – воскликнул Пирс и спрятался за стену. – Они не должны видеть нас здесь вместе.

– Как же быть? – забеспокоилась Сесилия. – Быть может, нам следует пойти им навстречу и направить их к замку по другой дороге?

Пирс кивнул и критическим взглядом оглядел самого себя. Его одежда была измазана кровью избитого им человека, костяшки пальцев быстро распухали.

– Здесь есть оленья тропа. Она ведет мимо пруда и садов. Им следует немедленно свернуть влево, вернуться немного назад, и они ее сразу увидят.

– Другим убийцам, если они где-то прячутся, придется стрелять в охотников, – сказала Сесилия. – Им не удастся уйти незамеченными.

– Совершенно верно. Слишком много свидетелей с оружием. Франческа приподняла юбки и почти бегом, с ловкостью газели устремилась вверх по склону.

Сесилия подошла к подруге.

– Алекс, а ты не хочешь пойти с Франческой? А я могла бы остаться здесь и помочь его светлости погрузить бандита на коня.

– Вы не сделаете ничего подобного, – буркнул Пирс. «Погрузить мужчину на лошадь. Что за бред?»

– О, не беспокойтесь. Я никогда не была слабой хрупкой женщиной. – И она с гордостью продемонстрировала свои широкие плечи и сильные руки.

Александра что-то пискнула.

– Я скорее позволю изуродовать вторую половину моего лица, чем разрешу женщине делать столь одиозную работу. – Пирс отвел взгляд от графини, уверенно шествовавшей вверх по склону, и уставился на оцепеневшего доктора археологии, стоявшую рядом с ним. Потом он покосился на валькирию, которая предлагала ему помощь в подъеме тяжестей. Ему уже приходилось встречать необычных женщин, однако эта троица была чем-то из ряда вон выходящим.

И на одной из них он женится.

Две женщины несколько секунд смотрели друг на друга.

– Я не могу сейчас встретиться с этими людьми, – наконец сказала Александра. – Иди. Пошли кого-нибудь на поиски, если мы не вернемся сразу.

Явно не уверенная в правильности своего поступка, Сесилия поспешила за Франческой, которая уже преодолела больше половины пути вверх по склону.

– Все в порядке? – Пирс протянул руку, чтобы поправить упавшую на ее лицо прядь.

Александра вздрогнула, отпрянула и дрожащими пальцами сама заправила прядь за ухо.

– Все в порядке... учитывая все обстоятельства. Нам пора идти?

Пирс опустил руку. Разумеется, она выбита из колеи из-за того, что не узнала жениха собственной лучшей подруги.

А потом едва не получила пулю.

Стрелок потерял сознание, и Пирс забеспокоился, не забил ли его до смерти.

Он искренне надеялся, что нет. По крайней мере до тех пор, пока ему не удастся получить у него информацию, он должен оставаться живым. У Пирса руки чесались нанести еще несколько ударов. Когда он узнает, кто его послал, можно будет и добить негодяя.

– Оставайтесь здесь, пока я не погружу его на коня.

Положив оружие на остатки стены, некогда доходившей ему до пояса, он повел Меркурия к неподвижному телу. Бандит был ниже, чем Пирс. Собственно говоря, большинство мужчин были не такие высокие, как он. Зато бандит был коренастый, широкоплечий и имел огромные кулаки. Наклонившись, Пирс удостоверился, что бандит дышит, и обшарил его карманы. Там обнаружился только обрывок бумаги со словами: «*Falt Ruadh*».

Герцог нахмурился. Значит, это вовсе не случайный акт насилия. Бандиты точно знали, кто им нужен.

Записка была поспешно нацарапана на языке, с которым он был знаком только благодаря своему единоутробному брату – шотландцу.

«*Falt Ruadh*» по-гэльски означает «рыжие волосы».

Рыжие волосы. Необычно, но все три женщины были обладательницами рыжих волос, только разных оттенков. Волосы леди Франчески были очень яркими, темно-красными, Сесилии – медно-золотистыми, а леди Александры, словно древесина красного дерева, впитавшая краски заката. Ее волосы были наименее броскими, но самыми завораживающими.

«Так нельзя», – упрекнул себя Пирс, поднатужившись, и взвалив бандита себе на плечо, как мешок.

Разве можно желать подружку своей невесты?

Потом он забросил бесчувственного мужчину в седло и с трудом удержал коня, который сразу заволновался и попятился.

«Пожалуй, лучше не отвечать на этот вопрос сейчас», – решил он, достал из переметной сумки веревку и привязал бандита к седлу, за обе ноги и одну руку – вторая оказалась сломана. Путы получились не слишком аккуратными, но крепкими.

Александра взяла пистолет и проверила, сколько осталось пуль.

Две, если он не ошибся с подсчетами.

Пирс протянул руку, ожидая, что она с радостью и облегчением отдаст оружие в более опытные и привычные к нему руки. Как выяснилось, он слишком мало знал доктора археологии.

Она опустила руку с пистолетом, но ее палец остался на спусковом крючке.

– Я возражаю. – Он скосил глаза на бандита, свисавшего с седла. – Сейчас он вам ничего не сделает.

– И все равно я его понесу, – заявила Александра.

Пирс нахмурился.

– Вы хотя бы сумеете им воспользоваться, если возникнет необходимость?

Александра не отреагировала на колкость.

– Сумею. Я практиковалась на змеях в Александрии.

«Змеи в Александрии. – Фыркнув, Пирс отвернулся и повел коня к тропе. – Разумеется, как же я мог забыть!»

Некоторое время они шли молча, и слышался только шум волн, бьющихся внизу о скалы.

Александра тщательно поддерживала дистанцию, намного большую, чем того требовали приличия, и крепко сжимала в руке пистолет – за пределами его досягаемости.

Она нервно покосилась на своего спутника.

– Что было на бумаге, которую вы нашли?

Пирс полез в карман, достал записку и протянул ей. Она быстро пробежала ее глазами и вернула. Ее бледное лицо хранило непроницаемое выражение.

– Я не знаю значения этих слов.

Пирсу показалось, что она призналась в этом с большой неохотой.

– Это по-гэльски. «Рыжие волосы».

Он исподтишка наблюдал за ее реакцией. Ее лицо оставалось невозмутимым, даже спокойным. Но обмануть Пирса ей не удалось. Он почти всю свою жизнь провел с животными.

Даже если лицо ее не выражало страха, он таился в каждой напряженной линии ее тела. В расстоянии, которое она установила между ними. В ее постоянной настороженности, учащенном дыхании, слабой дрожи голоса.

– Вы можете предположить, кому понадобилось убить одну из вас? – поинтересовался он.

– А вы? – ответила она вопросом на вопрос.

– Нет, но я намерен это выяснить.

Свободной рукой Александра схватилась за свой галстук. Она дернула его, ослабив узел, и сделала несколько глубоких вдохов. Это не помогло. Тогда она прижала руку в перчатке к щеке, потом ко лбу и снова опустила ее.

Несмотря на довольно прохладный ветер, несший отголоски ночной непогоды, на ее лбу выступила испарина. Она всеми силами старалась подавить тревогу, но пока не слишком успешно. В душе Пирса возникло странное чувство, нарушившее его спокойствие почти так же, как вид оружия в руках убийцы.

Желание было нелепым, даже смехотворным. Он хотел взять ее руки в свои и унять их дрожь. Он страстно желал предложить ей спокойствие и комфорт, иными словами – то, чего сам никогда не имел.

Он тряхнул головой, избавляясь от непрошенных мыслей. Необходим конструктивный подход. Отвлечение внимания.

– Змеи? – поинтересовался он. – Вы часто сталкивались со змеями? С какими именно? С кобрами, наверное?

Прошло несколько секунд, прежде чем смятение исчезло из ее глаз и она смогла ответить.

– Н-нет, – чуть запинаясь, проговорила Александра. – В Египте не так много кобр, как принято считать. Наш лагерь располагался возле Александрийского маяка. Там нас больше всего донимали рогатые гадюки. Они... ох... – Александра вздохнула, подняла руку, чтобы поправить волосы, и обнаружила в ней пистолет. Она виновато покосилась на Пирса и опустила руку, снова направив дуло вниз. Пирсу потребовалась вся его выдержка, чтобы не выхватить у нее из рук оружие.

– Их было много? Я имею в виду рогатых гадюк, – спросил он, почувствовав, что Александра потеряла нить беседы.

– Да. – Она не поднимала глаз. – Из-за довольно светлого окраса они сливаются с песком, так что почти невозможно заметить их заблаговременно.

– Тогда вы и стали метким стрелком? – спросил Пирс. Ему показалось, что его собеседница снова забыла, о чем идет речь.

– На самом деле, нет. После того как я приютила Анубиса, мне пришлось использовать оружие только один раз.

– Анубис – это собака?

– Кот.

Пирс резко остановился, заставив Меркурия дернуть головой.

– Признаюсь честно, я никогда не был первым учеником школы, но разве Анубис не божество с головой собаки?

– Да. Но Анубис удивительно походил внешне на его статуи... и вел себя как собака.

– В чем это выражалось?

Уголки губ Александры чуть дрогнули.

– Она прыгала на змею, хватала ее за шею и начинала трясти. Мне всегда казалось, что она вытрясает из змеи душу... если у рептилии есть душа. Знаю, что кошки – хищники, но мне больше никогда не приходилось видеть ничего подобного.

– Это была она? – удивился Пирс. – Где же эта чудо-кошка сейчас? Я бы хотел с ней познакомиться.

Александра улыбнулась, но в ее голосе звучала грусть:

– Я оставила ее маленькой девочке-сироте в Египте. Малышку зовут Акаша.

– Почему? У нас в Англии тоже есть змеи. Ей было бы на кого охотиться.

– Я подумала, что Анубис здесь замерзнет.

Пирс повел рукой, указывая на сочные густые травы, словно нежащиеся под солнцем. Их шевелил легкий бриз с моря.

– Насколько я понимаю, довольно много кошек чувствуют себя вполне комфортно в нашем климате.

– Конечно, но это английские кошки. Они пушистые. А у Анубис шерсти не было.

Пирс недоверчиво прищурился.

– Голая кошка? Никогда о такой не слышал. – Он, естественно, слышал об этих лишенных шерсти созданиях, но ему только сейчас удалось отвлечь Александру, отвести ее от края пропасти, наполненной страхом, куда она едва не шагнула.

– В Египте их называют сфинксами, – сообщила она тоном университетского профессора. – Это очень редкие животные, они считаются священными.

Пирс щелкнул языком.

– Вы положили меня на лопатки, доктор Лейн.

– Я об этом и не мечтала, ваша светлость. – Александра, наконец, подняла глаза и робко улыбнулась.

Солнечный свет, отражавшийся от поверхности моря, сразу показался ему удивительно ярким, а слабый ветерок – нежным и ласкающим. Неужели все это сотворила одна только ее улыбка?

– Там, на станции, вы представили себя в ложном свете, – сказала Александра. В ее голосе не было упрека. Пирс решил, что она старается разговором отвлечься от того факта, что рядом с ней идет покрытый кровью герцог, и к тому же убийца.

– Разве, *доктор* Лейн? – Он особенно выделил голосом слово «доктор».

– Но я действительно доктор.

– И к тому же дочь графа.

Александра безразлично пожала плечами.

– Я не хотела выставлять свое знатное происхождение перед конюхом, тем более когда он пришел мне на помощь.

– Насколько я понимаю, мисс Сесилия Тиг и есть тот самый отважный Сесил, которого вы ждали?

Судя по недовольству, промелькнувшему на ее лице, Александра поняла, что он имел в виду.

– Я – женщина, путешествующая без компаньонки. Поэтому я не хотела сообщать слишком много информации о себе незнакомцу. А у вас есть оправдание своему неучтивому поведению?

Пирс не стал ей говорить, что вовсе не ждал от нее отношения к себе как к герцогу. Ему очень нравился их разговор, и он был впечатлен. Ему импонировало то, что при первой их встрече она отнеслась к нему – покрытому шрамами конюху – с большей почтительностью, чем сейчас, когда ей точно известно: он человек могущественный, богатый и влиятельный.

Все это Пирс не озвучил. Вместо этого он дернул плечом и сообщил:

– Для начала я считал, что вы меня знаете.

– Откуда?

– По-моему, всем в империи известно, кто такой Ужас Торклифа.

– Да... я слышала, что вас так называют. – Она напряглась. – Но почему?

– В общем, это недавнее прозвище. – Он указал на шрам, пересекавший губу. – Согласно местному поверью, меня укусил... или поцарапал оборотень – или демон, смотря кого вы спросите. В результате я превратился в чудовище, покрытое шрамами, которое бродит по проклятому замку Редмейн, ест маленьких детей на завтрак, а девственниц на ужин. Скажу прямо, я весьма популярен.

Пирс шутил, но его собеседница отошла подальше, и улыбка исчезла с ее лица, забрав с собой солнечный свет.

– Мне думается, – сказала она, – вы преувеличиваете свою известность. Лично я до вчерашнего дня ничего о вас не слышала.

Пирс усмехнулся.

– Насколько я понимаю, вы проводите много времени за пределами страны, а значит, вдали от общества.

– Это правда. – Александра кивнула, наклонилась, сорвала колосок лисохвоста и стала вертеть его в руке. – Честно говоря, меня никогда не интересовало, что говорят в обществе.

«Это на нее похоже», – подумал Пирс. Он не сводил с нее глаз, позабыв о приличиях, но она ничего не замечала, сосредоточив все свое внимание на травинке.

Эта женщина, безусловно, получила хорошее образование, много ездила по миру и все же обладала удивительной неиспорченностью, пожалуй, даже наивностью, которая редко встречается у людей ее возраста. В ее глазах цвета темного меда жил испуг, словно у жеребенка.

Забываясь, она слегка сутулилась, но, вспомнив о необходимости держать спину, распрямилась, и ее осанка становилась царственной. Она постоянно находилась в напряжении, словно зайчишка, всегда готовый юркнуть в безопасность ближайшей живой изгороди, если возникнет необходимость.

Как такое беспомощное существо сумело пережить опасности Каира и Александрии?

– Это правда?

Ему потребовалось время, чтобы осознать: она обращается к нему, а не к травинке.

– Вы о чем?

– Правда, что вы едите девственниц на ужин?

Герцог фыркнул.

– Мой бог! Нет, конечно. Девственницы – не самое полезное блюдо для ужина... Хотя я, возможно, не отказался бы попробовать одну или двух на десерт. Жители деревни постоянно мне их приводят. Почему бы не полакомиться?

Он улыбнулся самой обаятельной улыбкой, на которую только был способен, уверенный, что она обязательно оценит его веселое легкомыслие.

Александра поморщилась и хмуро уставилась куда-то вдаль.

Улыбка Пирса умерла медленной и мучительной смертью.

– Вы удивитесь, но когда-то женщины находили меня весьма привлекательным.

Александра слегка повернула голову и покосилась на герцога.

– Это было до того, как я стал персонажем местных страшных сказок. – Он указал рукой на свое обезображенное шрамами лицо. – Возможно, раньше я был слишком красив, и все пытались меня рассмешить. Ну а теперь мне приходится полагаться только на мое недоразвитое чувство юмора и явно несуществующую сообразительность.

– Ой... – Александра протянула руку к нему, отбросив травинку. Ее лицо приняло виноватое выражение.

Пирс приготовился к наслаждению от ее прикосновения, но ее рука замерла, так и не дотронувшись до него.

– О, нет, ваша светлость. Пожалуйста, не думайте, что отсутствие у меня реакции как-то связано с вашим... с вашей внешностью. Я просто... Я не... – Казалось, слова застревают у нее в горле.

– Вас не так легко рассмешить, я понимаю. – Слегка переигрывая, он принял позу благородного героя. – Ваши высокие стандарты делают вам честь, миледи.

Пирс с удовольствием заметил, что краски жизни вернулись на ее лицо – значит, смертельный страх ушел.

– Все не так, милорд. Меня достаточно легко развеселить... Понимаете... я обещаю...

– Тем более. Значит, я полный идиот, если, как ни стараюсь, не могу вас рассмешить.

Александра подошла ближе. Теперь она была раздосадована и встревожена.

– Прошу вас... Дело вовсе не в вас. Да и в ваших шрамах нет ничего ужасного или пугающего. Они вас вовсе не портят. Вы действительно очаровательны. Я хотела сказать... я не...

– Вы сама не своя. – Что-то подсказало ему, что он зашел слишком далеко, и она снова возвращается к неловкости и страху. – Вы чего-то боитесь, леди Александра. И я всего лишь пытался отвлечь вас.

Тревога исчезла с ее лица. Брови сдвинулись, словно она никак не могла решить, что делать – обидеться или рассердиться.

– Я провел всю жизнь в компании мужчин, – объяснил герцог. – И у меня почти нет опыта общения с прекрасным полом. Признаюсь честно, я нагло солгал, когда утверждал, что дамы когда-то находили меня привлекательным.

– А разве нет? Я бы сказала, что они считали вас очень даже... по крайней мере... то есть... я уверена... – Она шумно вздохнула.

Не исключено, что она когда-нибудь сможет окончить фразу в его присутствии. Но не сейчас.

– Они считали меня неприлично богатым, занимающим очень высокое положение – самое высокое, если не считать особ королевской крови. Иными словами, я обладал в высшей степени привлекательными чертами для будущего мужа. Но я слишком много времени проводил вдали от дома.

– Но теперь все изменится. Вы станете мужем...

Герцог долго молчал. Он с преувеличенной тщательностью проверил, достаточно ли прочно пленник привязан к седлу, потом ласково похлопал Меркурия по шее. Тропинка шла вплотную к скалам, после чего раздваивалась. Одна следовала к деревне, другая – обратно к замку. Герцог взглянул сначала в одну сторону, потом в другую. Пауза затянулась.

– Не знаю, – в конце концов, сказал он. – После того как Франческа и я выполним обязанности герцога и герцогини Редмейн и род Атертонов будет продолжен, скорее всего, я снова отправлюсь в странствия. Но сейчас я должен позаботиться о наследнике.

Теперь надолго замолчала Александра.

– Вы не похожи на герцогов, с которыми мне приходилось встречаться.

Пирс уже понял, что его собеседнице свойственно высказывать непочтительные мысли и только потом задумываться о своих словах.

– А вы не похожи ни на одну из леди, которых я встречал.

– Я... я вовсе не хотела вас обидеть.

– А я сделал вам комплимент.

Она проигнорировала последнюю реплику и снова отвела глаза.

– Я только хотела сказать, что вы лучше себя чувствуете в седле с саблей, чем в великосветском салоне. По крайней мере, эта черта у вас с Франческой общая.

«Ах да, Франческа». Пирс издал неопределенный звук, рассчитывая тем самым положить конец разговору о его брачных планах.

– Вы ее любите?

«Не удалось». Герцог поморщился.

– Леди Франческе и мне нет никакой необходимости иметь что-то общее, кроме имен и детей.

– Это довольно-таки... корыстный подход к браку.

– А я вообще корыстный человек.

Александра прикусила губу.

– Ну, она вам хотя бы нравится?

Пирс закашлялся, скрывая смех. Франческа Кавендиш – сверкающий рубин в море жемчуга. Она смела, красива, великолепна.

И он едва мог выносить энергию, бьющую из нее ключом... нет, фонтаном. Спустя час, проведенный в ее обществе, у него появлялось непреодолимое желание привязать ее к чему-нибудь, чтобы она, наконец, перестала двигаться. Она ему не нравилась, это точно. Но в то же время он не стал бы утверждать, что она ему не нравится. Пирс задумался. Каково его мнение об этой женщине? Трудно сказать, он видел ее только дважды.

– Я восхищаюсь... силой ее духа.

– Вы хотите сказать, что она вам даже не нравится? – возмутилась Александра. – Тогда почему вы на ней женитесь?

– А почему нет? – Герцог безразлично пожал плечами. – В конце концов, мы помолвлены. Представители высшего класса редко испытывают чувства друг к другу, вступая в брак. Мне не нужно любить жену, чтобы выполнить обязанности по отношению к ней. Леди Франческа – молодая здоровая женщина. Она родит мне сильных сыновей и красивых дочерей. – По крайней мере, Пирс на это рассчитывал, равно как и на то, что ему удастся вызвать в себе физи-

ческое желание. Правда, пока... его мужское естество никак не реагировало на Франческу. – Этот брак выгоден для наших семей. Мой отец...

Меркурий заржал, рванулся вперед и врезался в Пирса, который, не удержавшись на ногах, толкнул Александру, лишив ее равновесия. Он едва успел схватить женщину и прижать к себе, чтобы смягчить падение, и невольно застонал, когда его спина и плечи соприкоснулись с отнюдь не мягкой землей. Он обнял Александру за плечи, не давая ей удариться, одновременно следя за местонахождением Меркурия, чтобы защитить ее от смертоносного удара копытом, если жеребец окажется слишком близко.

Чертов жеребец испуганно приплясывал лишь в паре шагов от них.

Даже хорошо, решил Пирс, что леди Александра не отдала ему пистолет. Иначе он бы пристрелил проклятое животное на месте и поволок раненого стрелка дальше на себе.

Он слегка сбился с мысли, ощутив прикосновение к своей груди мягких, не скованных корсетом женских грудей, а к ногам – сильных ног.

И сразу ощутил возбуждение. Оно пронзило его, словно молния. Кровь, казалось, потекла по жилам быстрее, и Пирс глухо застонал.

Эта женщина должна принадлежать ему. Как же ему хотелось немедленно овладеть ею – здесь и сейчас.

Пирс заметил, что ее губы слегка приоткрылись, словно в приглашении. Она часто и хрипло дышала.

Он тронул языком шрам на губе. Он еще ни разу не целовал женщину с тех пор...

Очарование момента нарушил металлический щелчок. Взведенный курок.

– Отпустите меня.

Пирс замер. Ее глаза блестели, зубы были сжаты. Он уже видел такие глаза у загнанной дичи.

В этот момент он отчетливо понял: если он сделает хотя бы одно неверное движение, она, не колеблясь, выстрелит ему в грудь, бросит его тело в океан и поспешит домой, чтобы успеть к чаю.

Она вскочила на ноги даже раньше, чем он. Воображение тут было ни при чем. Пистолет действительно был нацелен ему в грудь. Александра, не выпуская его, попятилась.

– Я доберусь отсюда до замка сама.

– Но я хотел бы убедиться, что вы в безопасности...

– Глупости. – Ее красивое лицо исказила гримаса презрения. – Что скажут люди, если я появлюсь в замке без компаньонки с вами, а завтра вы объявите о своей помолвке? Моя репутация погибнет. Ваша свадьба тоже.

В обычный день Пирс бы решил, что она начиталась мелодрам. Но сегодняшний день можно было назвать каким угодно, только не обычным. Накануне вечером она вступила в схватку с перепуганным жеребцом, сегодня ее едва не подстрелили, после чего она чудом не свалилась со скалы. Если говорить честно, ей еще мог угрожать страстный поцелуй жениха лучшей подруги.

Все-таки он ублюдок.

– Хорошо, леди Александра. Я провожу вас, оставаясь на расстоянии.

Она встретила его медовую покорность укусом.

– Вы можете называть меня доктором Лейн, – заявила она, погрозив ему дулом пистолета, как пальцем.

Пирсу оставалось только поднять руки.

– И... и... спасибо. – Это было сказано скорее через силу, чем вежливо. Потом Александра развернулась и зашагала прочь, чеканя шаг. Такой поступи позавидовал бы кадровый пехотинец.

Пирс проводил ее взглядом, не в силах забыть, как их тела соприкасались на мягкой траве. Ее уход никак не повлиял на состояние его мужского естества. Как-то нехорошо возвращаться в конюшню с привязанным к седлу бандитом и возбуждением.

Александра Лейн. Ее имя будет преследовать его до конца жизни.

Глава 6

– Если ты не будешь сидеть спокойно, я тебя уколою, – предупредила Александра, вооруженная заколками для волос, украшенными яркими рубинами.

– Все-все, я уже почти закончила, – заверила Франческа. Она подняла ногу и уперлась коленом в бедро Сесилии, заставив подругу удивленно вскрикнуть.

Франческа еще раз – последний – потянула шнурки корсета Сесилии и, наконец, завязала их с расторопностью моряка, швартуящего судно к причалу.

Это была их давняя привычка – заменять друг другу горничных, одеваясь к вечеру. В это время они могли свободно говорить.

Сесилия провела ладонями по своей новой, изрядно уменьшившейся фигуре. Особенно ее впечатлила талия, ставшая на несколько дюймов тоньше.

– Очень туго, – сообщила она. – Мне придется весь вечер разговаривать шепотом.

– Давай немножко ослабим, – с готовностью предложила Александра.

– Нет! – На лице Сесилии расцвела торжествующая улыбка. – Мне очень нравится.

– И мы не можем свести на нет мои титанические усилия, – сказала Франческа и направилась к окну. Александра успела вовремя схватить подругу за плечо и воткнуть заколку на место. Прическа получилась восхитительная.

– Ты зря расстраиваешься, Сесил, у тебя очень привлекательная фигура. – На Александре не было корсета, но его отсутствие с успехом компенсировал покрой платья, которое имело такой плотный многослойный лиф, что ее груди были вжаты в грудную клетку. – Не думаю, что ее следует улучшать так радикально, чтобы ты весь вечер чувствовала дискомфорт.

Александра заметила скептические взгляды, которыми подруги окинули ее платье, думая, что она не видит. Они воздержались от комментариев, поскольку понимали, что таков ее выработанный годами способ не привлекать мужских взглядов.

– Если я не смогу дышать, то не задержусь у стола с закусками. – Сесилия примерила турнюр и полюбовалась на свои пышные бедра. – Сегодня мне хочется выглядеть безупречно.

– Не понимаю почему. – Франческа с помощью Александры надела через голову ярко-красную юбку, не повредив прическу. – Если все пойдет по плану, это будет не маскарад в честь помолвки, а разоблачение заговора с целью убийства.

– Если мы найдем какие-нибудь улики в покоях герцогини, ты хочешь немедленно их обнаружить? – спросила Александра. – Сегодня?

– Да.

Услышав ответ подруги, как всегда энергичный и уверенный, Александра задумалась.

– Ты уверена, что это разумно? – Она представила себе лицо герцога, обветренное и покрытое шрамами, на котором застыла гримаса ярости. Ведь его семейство обесчестили в его же родовом гнезде.

Что-то в намеченном подругой сценарии ей не нравилось и пугало.

Впрочем, с какой стати это ее тревожит? Особенно если Редмейн – средоточие зла. Но если нет? Разве должен один человек отвечать за злодеяния членов своего семейства?

Она не могла не думать об очаровательном скромном мужчине, который шел рядом с ней по скалам, о его манере держать себя, о его уме и остроумии. При взгляде на него легко можно представить себе Ужас Торклифа. И вовсе не из-за шрамов, а из-за насилия, на которое он был способен. Он двигался и держался, как хищник, ступающий по своей земле. Земля действительно принадлежала ему. А вот был ли он хищником?

– Чем скорее выяснится причастность Редмейна или Рамзи, тем меньше станет вероятность повторения вчерашнего инцидента, – проговорила Франческа, повернувшись спиной

к Сесилии, чтобы подруга застегнула лиф ее платья. – Если мы обнаружим правду, то окажемся в большей безопасности, чем если станем мстить тайно.

– В свете последних событий я склонна согласиться. – Сесилия кивнула. Ее роскошные волосы, уложенные в замысловатую прическу с помощью фиалковых лент и перламутровых гребней, казалось, грозили вот-вот рассыпаться по плечам. На это и был расчет. У всякого, кто взглянет на эту потрясающую прическу, возникнет желание вытащить гребень или заколку и закрепить ее понадежнее. – Если с нами что-то случится после разоблачения, вина автоматически ляжет на Редмейна или Рамзи.

– Совершенно верно. – Франческа закончила расправлять юбки Сесилии – каскад блестящего шелка. – И поскольку очевидно, что целью стрелка была я, очень важно действовать быстро.

Накануне утром Александра, вернувшись в замок, сразу нашла подруг. Она рассказала им о записке, найденной герцогом в кармане стрелка, и об их разговорах.

Она намеренно не упомянула о физической стороне их общения, хотя не желала даже думать почему. Ведь речь шла всего лишь о падении. Так почему она не может заставить себя говорить о нем?

Потому что он обнимал ее? Потому что в какой-то момент, глядя на его лицо, обожженное чужеземным солнцем, и на ужасные шрамы, она увидела... Что?

Усталость. Нет. Осторожность.

Нечто знакомое было в его глазах, синих, как небо, и яростных, словно море. А еще они были усталыми и ранимыми.

Когда он неосознанно тронул кончиком языка шрам, изуродовавший губу, неуверенность этого движения что-то изменила в ее душе, пробудила в ней нежность – эмоцию теплее, чем жалость, и мягче, чем любопытство. На какой-то миг она овладела ею, и Александра забыла, что должна бояться.

Она оказалась в плену странного ощущения, шокирующего чувства, которое она отдаленно идентифицировала как... убежище? Безопасность? Его тело рядом было твердым и тяжелым. И не надо было обладать слишком развитым воображением, чтобы представить себе его неуязвимость, способность защитить ее от всего, что может ей навредить.

Ей даже показалось, что она могла бы остаться под его защитой навсегда. В безопасности.

Но тут его глаза уставились на ее приоткрытые губы, и его тело моментально напряглось, и что-то твердое, как железо, уперлось ей в бок. Он... Александра решила не называть слово даже мысленно. Мужчины больше не *желали* ее. В этом она была уверена. Нет, Редмейн среагировал на нее, как любой мужчина среагировал бы на женщину в его объятиях. Любую женщину.

Она ощутила досаду при мысли о своем ответе. Подумать только, она пригрозила ему пистолетом! Кажется, только направить пистолет на герцога – уже считается преступлением. Но ей было все равно. Ужас и беспомощность охватили ее с такой силой, что перед ней было только два пути – спастись или броситься с обрыва.

Она бы умерла – нет – она бы убила его раньше, чем подумала об альтернативе.

Александра надела незамысловатое платье серебристого цвета и с трудом просунула руки в длинные прозрачные рукава. Она намеренно не использовала ни турнюры, ни корсет – ничего, что могло бы привлечь к ней мужское внимание.

А чтобы избежать завистливого внимания женской части общества, она, не отступая от модных фасонов, весьма искусно подбирала ткани, так что плотное и тугое шелковое платье на ее subtilной фигуре успешно заменяло корсет, не подчеркивая округлости, а наоборот, делая ее плоской, как доска. Даже будучи вся увешана бриллиантами, она была скрыта от глаз от горла до кончиков пальцев ног.

– Вам не кажется странным, что герцог Редмейн оказался вчера утром в руинах одновременно с нами? – спросила она.

– Мне кажется это очень странным. – Франческа решительно подняла юбки, явив миру на удивление сильные мускулистые ноги, и стала возиться с подвязками чулок.

– А вы видели его лицо, когда он напал на стрелка? – Александра не могла забыть маску демонической ярости, исказившую красивое лицо герцога, когда его кулак размером с кувалду врезался в физиономию нападавшего.

Она не привыкла к таким проявлениям грубой силы.

– Ему явно не впервой прибегать к насилию, – заметила Сесилия. – Об этом следует помнить. Хотя его ярость была обращена на нашу защиту... или, по крайней мере, он защищал свою невесту.

– Подумать только, одну из вас могли вчера застрелить. – Голос Франчески дрогнул, хотя сентиментальность никогда не была ей свойственна. – Я пойду на все, чтобы избежать такой трагедии.

Собрав всю свою смелость, Александра расправила кисти на платье подруги.

– Мы там были втроем. Фрэнк, мы не можем быть абсолютно уверены в том, что мишенью была именно ты.

Франческа подняла голову.

– А кто еще?

– Это могла быть я, – прошептала, точнее, даже выдохнула Александра.

Подруги уставились на нее с откровенным недоумением.

– С чего ты взяла? – воскликнула Сесилия.

– О чем ты говоришь? – требовательно спросила Франческа.

Александра судорожно сглотнула. Ей не хотелось взваливать дополнительный груз на плечи, которые и так были перегружены сверх всякой меры. Но покушение на их жизни, имевшее место накануне, доказало, что ситуация серьезная.

Для тайн время было явно неподходящее. Теперь в этом сомнений не оставалось.

– Кто-то знает, – прошептала она.

Ни одна из подруг не шелохнулась. Они даже не дышали. Слова Александры перенесли их в то место, которого они всеми силами старались избегать. Туда они попадали разве что в ночных кошмарах. Хрустальные подсвечники, мерцающие серебряные щетки, сияющие зеркала – все исчезло во мраке ужасной ночи десятилетней давности. Блеск великолепных платьев стал садовой землей, яркие рыжие волосы – кровью, которую они смывали – соскребали – со своей кожи после того, как дело было сделано.

– Александр? – Обычно мягкий успокаивающий голос Сесилии дрожал. – Расскажи нам все с самого начала.

Александре потребовалось довольно много времени, чтобы вернуть себе способность говорить. Она схватила подруг за руки, внезапно испугавшись, что они бросят ее, оставят наедине с кошмарными воспоминаниями.

– Кто-то знает, что мы сделали – что я сделала – в Шардонне.

– Но откуда? – выдохнула Франческа. – Если это не одна из нас, значит, Жан-Ив.

– Не может быть, – решительно заявила Сесилия. – Жан-Ив все это время жил со мной и абсолютно ни в чем не нуждался. Я даже сюда привезла его с собой. Александра, ты же не думаешь...

– Я не знаю. – Александра тряхнула головой, встала и достала из своего дорожного сундука что-то, завернутое в носовой платок. Она чувствовала себя оцепеневшей, как и в ту ночь, когда все случилось. – Возможно, кто-то видел, как мы зарывали его в саду. Понимаете, все это время кто-то знал, где он, и я после окончания Сорбонны каждый месяц платила за молчание.

Ее признание было встречено напряженной тишиной. Только теперь опасность ситуации стала очевидна двум женщинам, которым их третья подруга подарила десять лет благословенного незнания.

Сесилия опомнилась первой. Она сняла очки и потерла переносицу.

– Ты хочешь сказать, что платила шантажисту, – она произвела в уме нехитрый подсчет, – сто двадцать шесть раз и ни разу ничего не сказала нам?

– Я хотела вас защитить! – Александра тщетно пыталась справиться с эмоциями, объяснить, что хотела сделать, как лучше. – Пока я платила, никто не собирался раскрывать нашу тайну. Но дело в том, что мой отец разорился. Как выяснилось, наше поместье уже давно заложено. Он вызвал меня из Каира и сообщил о банкротстве. Я уже два месяца ничего не платила шантажисту. Не было денег. А в тот день, когда я получила приглашение в Редмейн-касл, мне принесли посылку.

Дрожащими пальцами Александра развернула носовой платок, в котором оказалась бритва с перламутровой ручкой, та самая, которой она перерезала горло насильнику.

Та самая, которую они положили в его карман, прежде чем похоронить.

– О, Александр! – прошептала Франческа.

– Я знаю. – Александра смахнула со щеки слезинку. – Мне так стыдно, что я подвергла вас обеих такой ужасной опасности! Наверное, вы ненавидите меня так же сильно, как я ненавижу себя. И я это заслужила.

Не думая о платье, требовавшем бережного к себе отношения, и о том, что между ней и Александрой находится Франческа, Сесилия подалась вперед и крепко прижала к себе обеих подруг.

– Мы ненавидим лишь то, что ты так долго несла тяжкую ношу одна, не призвав нас на помощь.

Теперь Александра разрыдалась.

– Я не знаю, что делать. – Это признание рвало ее душу на части. Она всегда все знала. И со всем могла справиться. Но это... это было выше ее сил.

Прозвучал гонг, созывавший гостей к обеду. Подруги отпрянули друг от друга.

Сесилия выпрямилась и глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться и собраться с мыслями. Она напряженно размышляла.

– Вот что мы сделаем, – наконец сказала она и принялась мерить шагами комнату. Вероятно, на ходу ей лучше думалось. – Мы спустимся к столу и покажем всем окружающим, как мы наслаждаемся всем происходящим. У нас превосходное настроение. Мы будем ослепительны, не так ли, леди?

Александра и Франческа кивнули.

– Когда начнутся танцы, мы поочередно – с промежутком в пять минут – извинимся и встретимся в голубой гостиной, что на верхнем этаже восточного крыла, – все, как мы планировали раньше. Мы используем ключи, которые стащила Франческа – кстати, отличная работа, дорогая, – и обыщем покои герцогини, в первую очередь кабинет. Александр, ты будешь стоять снаружи и отгонять всех, кто может туда забрести.

Александра принялась с большим вниманием изучать свою ладонь.

– А если мы ничего не найдем?

– Об этом мы даже думать не будем, – уверенно произнесла Сесилия. – Мы должны. – Она подошла к двери и взялась за дверную ручку. – Потом мы встретимся здесь и решим, что делать дальше, еще до того, как Редмейн рассекретит имя своей нареченной. Насколько мне известно, это произойдет в полночь.

– А как начет Александры? – спросила Франческа.

– Александра слишком долго несла это финансовое бремя в одиночку. У нас достаточно средств на счетах, чтобы покрыть расходы до того, как нам удастся найти решение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.